РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

№№ 7 и 8.

ІЮЛЬ и АВГУСТЪ 1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Книга 7-я и 8-я, іюль и августъ 1896 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Изъ дневника учительницы воскресной школы.

I.

Новый городъ, новые люди... Какъ-то встрѣтятъ эти новые люди проектъ объ открытіи воскресной школы и что ждетъ насъ здѣсь: сочувствіе или порицаніе, помощь или препятствія?

Въ памяти еще свѣжо разставаніе съ прежней школой, и перерывъ въ привычномъ и любимомъ дѣлѣ оставляетъ въ душѣ какую-то пустоту и неудовлетворенность. Хочется поскорѣе опять увидѣть знакомую обстановку: толпу людей, взрослыхъ и маленькихъ, жужжаніе голосовъ, оживленіе, дружную работу... Мысль о воскресной школѣ, какъ оказывается, уже не новая въ городѣ. Годъ тому назадъ, въ небольшомъ кружкѣ женской молодежи, сгруппировавшейся вокругъ одной учительницы гимназіи, мысль эта уже существовала. Было послано письмо къ Х. Д. Алчевской, извѣстной своимъ горячимъ сочувствіемъ ко всякимъ начинаніямъ подобнаго рода и своею постоянною готовностью служить этому, такъ близкому ей дѣлу—указаніемъ, совѣтомъ, матеріальною помощью. Нужныя разъясненія были получены, небольшая сумма денегъ на первое обзаведеніе была собрана, одна дама согласилась быть попечительницею школы; были и учительницы, имѣлось въ виду и подходящее помѣщеніе; словомъ, казалось, успѣхъ дѣла былъ обезпеченъ. Но все это очень быстро расклеилось. Свѣтская дама внезапно, вслѣдствіе разговора съ кѣмъ-то изъ вліятельныхъ лицъ, взяла назадъ свое согласіе, начальница одной городской школы, вздумавшая-было замѣнить ее, была поставлена въ необходимость сейчасъ-же отказаться отъ своего намѣренія подъ опасеніемъ потерять мѣсто, а самое прошеніе о школѣ, безъ всякихъ объясненій и разговоровъ, не было принято директоромъ народныхъ училищъ. Послѣ этого прошелъ цѣлый годъ. По пріѣздѣ въ городъ Х. я тотчасъ-же отправилась къ директору не съ тѣмъ, чтобы подавать ему прошеніе, такъ какъ въ это время уже вошелъ въ силу новый циркуляръ, передающій воскресныя школы въ духовное вѣдомство, а съ тѣмъ, чтобы просить у него помѣще-

нія для будущей школы. Но, къ моему удивленію, директоръ предложилъ мнѣ подать прошеніе на его имя, говоря, что циркуляръ, о которомъ онъ знаетъ, не составляетъ препятствія. И вотъ, послѣ этого перваго моего визита къ начальству потянулась длиннѣйшая процедура прошеній, записокъ, писемъ, переговоровъ, визитовъ къ разнымъ лицамъ и проч. Заинтересованная тѣмъ, чтобы возможно скорѣе начать дѣло, увѣренная, что препятствій никакихъ нѣтъ, такъ какъ все стоитъ на законной почвѣ, я давала срокъ на всѣ эти предварительныя хлопоты—одинъ мѣсяцъ, и писала своимъ друзьямъ, и говорила учительницамъ, что черезъ мѣсяцъ школа откроется. Но мѣсяцъ прошелъ, а школы не было. Вторичный визитъ мой къ директору уже сильно поколебалъ мою оптимистическую увѣренность, что осуществленіе школы—дѣло ближайшаго будущаго. Неожиданно на пути выростали какія-то препятствія. Не были собраны свѣдѣнія объ учительницахъ, не было получено отвѣта отъ хозяина дома, гдѣ помѣщалось училище, въ которомъ мы думали устроиться, не выяснились еще какія-то обстоятельства: все это перечисляли мнѣ въ отвѣтъ на мое недоумѣніе, что такъ долго тянется дѣло. Прошелъ еще мѣсяцъ, но вмѣсто ожидаемаго разрѣшенія пришелъ отказъ уѣзднаго училища дать у себя помѣщеніе воскресной школѣ, причемъ мотивомъ этого отказа было слѣдующее соображеніе: «если классы будутъ заняты по воскресеньямъ, къ понедѣльнику ихъ не успѣютъ убрать и провѣтрить». Дѣлать нечего: ищемъ другого помѣщенія. Симпатичная начальница городского училища любезно заявляетъ намъ, что рада уступить воскресной школѣ классы училища, рада будетъ даже помогать намъ въ преподаваніи. Я заявляю объ этомъ по начальству, и опять проходитъ мѣсяцъ въ безплодныхъ ожиданіяхъ. «Что-же школа? Когда-же откроется школа?» спрашиваютъ меня и учительницы, и друзья, и прежніе ученики и ученицы. «Вы-бы хорошенько попросили,—наивно уговариваетъ меня взрослый ученикъ иногородней школы.—Конечно, я знаю, вамъ не очень-то пріятно унижаться и просить, но для такого хорошаго дѣла ужъ ничего». Другой, также взрослый ученикъ той-же школы, пишетъ слѣдующее: «хочу я васъ спросить, открылась-ли ваша новая школа и много-ли учениковъ? Хорошо-ли ученики занимаются? Грамотному человѣку хорошо: всему хорошему научаетъ грамота. Я прежде не зналъ грамотѣ, а теперь научился и многое узналъ: она открываетъ глаза людямъ». Мнѣ хочется показать эти милыя письма директору, но я чувствую, что это будетъ наивность и что они ничего не скажутъ ему. А школы все нѣтъ. Я захожу въ канцелярію не одинъ и не два раза, но отвѣтъ все тотъ-же: еще не собраны всѣ справки. Наконецъ, является долго-жданный казенный пакетъ.

Съ трепетомъ раскрываю его и читаю, что, вслѣдствіе циркуляра 1891 г., передающаго воскресныя школы въ духовное вѣдомство, прошеніе о школѣ возвращается. Значитъ, совершенно даромъ, безцѣльно потеряно цѣлыхъ три мѣсяца. Почему-же объ этомъ не было прямо заявлено въ день подачи прошенія?

Представлялся вопросъ: обращаться-ли въ духовное вѣдомство, или попытаться достичь желаемаго инымъ путемъ. Циркуляръ, передающій школы въ духовное вѣдомство, прибавляетъ однако, что свѣтскія воскресныя школы могутъ быть открываемы *при* существующихъ училищахъ, если между ними окажется связь, т.-е. общее помѣщеніе, одинъ попечитель, одинъ законоучитель, общая программа.

Такъ какъ программа школъ Министерства Нар. Просвѣщенія все-же шире программы школъ церковно-приходскихъ, такъ какъ при первыхъ школахъ допускается устройство библіотекъ, въ каталогъ которыхъ входятъ книги и свѣтскаго содержанія, почти исключенныя изъ каталоговъ церковно-приходскихъ школъ, то устройство воскресной школы перваго типа, конечно, кажется мнѣ болѣе желательнымъ. И я съ увлеченіемъ принимаюсь за новыя хлопоты. Помѣщеніе уже есть: начальница городского училища любезно соглашается дать его. Остается просить попечителя училища принять на себя попечительство и надъ воскресной школой и просить законоучителя числиться законоучителемъ или хотя-бы только наблюдающимъ за преподаваніемъ Закона Божія и у насъ. Я пишу письмо незнакомому мнѣ попечителю, выясняю ему откровенно наше положеніе и значеніе для насъ его согласія; такое-же письмо пишу священнику, и черезъ день у меня два отвѣта съ согласіемъ. Теперь, значитъ, все слажено: законоучитель, попечитель, программы, помѣщеніе—все общее у двухъ школъ и нельзя не признать связи между ними. Пишется новое прошеніе, наклеиваются новыя гербовыя марки, и опять тянутся дни томительнаго ожиданія. Между тѣмъ черезъ два дня послѣ отправки прошенія приходитъ письмо отъ священника, такъ любезно согласившагося-было на мою просьбу: онъ извиняется, что, за недосугомъ, принужденъ отказаться отъ обязанности законоучителя и проситъ вѣрить въ его симпатію доброму дѣлу. Мнѣ странно это такъ вдругъ измѣнившееся рѣшеніе, но я еще готова вѣрить, что это случайность. Но не случайность уже то, что симпатичная начальница школы при встрѣчѣ со мной конфузится, смотритъ на меня глазами, полными слезъ, и говоритъ, что не можетъ дать согласія на занятіе воскресной школой классовъ училища. «Да почему-же?» спрашиваю я ее, но черезъ минуту, по ея разстроенному лицу бѣгутъ слезы, и я безъ словъ понимаю почему. Такимъ образомъ, все, съ такимъ усиліемъ склеенное, разсыпалось въ прахъ.

«Все это было-бы смѣшно, когда-бы не было такъ грустно», и въ тѣ минуты, когда комическая сторона этой борьбы, этого сооруженія съ одной стороны и разрушенія съ другой—представляется мнѣ особенно ярко, я невольно вспоминаю Щедрина и его два министерства «завязыванія узелковъ и развязыванія оныхъ». Стоитъ мнѣ соединить нитки и связать ихъ вмѣстѣ въ узелокъ, кажущійся мнѣ достаточно прочнымъ, какъ усиліями противной стороны узелокъ уже развязанъ и нитки разлетѣлись въ стороны. Въ моей головѣ уже роятся планы новаго «узелка»: искать другое помѣщеніе, другого законоучителя, создавать связь съ другимъ училищемъ. Однако дѣйствовать въ этомъ направленіи уже не пришлось, а второй казенный пакетъ лаконически объявлялъ о невозможности разрѣшенія воскресной школы: это было черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ перваго прошенія. Тогда прошеніе было направлено въ епархіальный училищный Совѣтъ, и черезъ два мѣсяца было получено разрѣшеніе на открытіе воскресной школы. Такимъ образомъ кончилась наша школьная прелюдія, продолжавшаяся почти два года, если считать предшествовавшія попытки учительницъ. Повидимому, факты такого рода далеко не единичные, и въ большинствѣ случаевъ открытіе воскресныхъ школъ обставляется большими затрудненіями. Затрудненія эти идутъ и со стороны администраціи, и со стороны общества. Общество иронизируетъ на тему о томъ, зачѣмъ это кухарокъ и горничныхъ учить грамотѣ (соглашаясь, впрочемъ, на грамотность первыхъ въ предѣлахъ поваренной книги) и что это будетъ, когда вся прислуга станетъ читать Тургенева; въ провинціальныхъ семьяхъ нерѣдко одно слово «воскресная школа» вызываетъ паническій ужасъ, и матери семействъ охотнѣе соглашаются на то, чтобы не окончившія курсъ гимназіи дочери, изнывающія отъ бездѣлья и скуки, слонялись по улицамъ, чѣмъ занимались въ «какой-то» воскресной школѣ. И вотъ почему въ провинціи не исключительнымъ является фактъ, что въ воскресной школѣ не достаетъ учащихъ: гимназія, епархіальное училище, иногда институтъ ежегодно выпускаютъ десятки молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ не мало достаточныхъ, свободныхъ, ничѣмъ не занятыхъ. Естественно, кажется, было-бы, чтобы эти молодыя силы требовали работы, требовали приложенія; естественно должно-бы было быть желаніе не оставлять мертвымъ капиталомъ полученныя знанія, на которыя затрачены и время, и средства, и силы... Провинціальная жизнь томитъ своею пустотою и однообразіемъ, и все-таки скучающія дѣвушки предпочитаютъ читать плохіе романы, гулять по бульварамъ съ гимназистами и вздыхать о томъ, что «проходитъ молодость», а въ воскресной школѣ съ сотней ученицъ иногда не наберется и десяти учительницъ. Та-

ково отношеніе общества,—иныхъ изъ его кружковъ, по крайней мѣрѣ. Конечно, оно отражаетъ собой отношеніе къ этому дѣлу иногда самой администраціи.

«Несмотря на огромную потребность народа въ грамотности, несмотря на сочувствіе правительства къ подобнаго рода учрежденіямъ,—читаемъ въ частномъ письмѣ одного оффиціальнаго лица,—мѣстныя власти, повидимому, не очень-то сочувственно относятся къ воскресной школѣ и не только не идутъ къ ней навстрѣчу, но даже стараются тормазить дѣло». Случаи, когда воскресная школа открывалась послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы, хлопотъ, прошеній, настояній, извѣстны и изъ частныхъ источниковъ, и изъ прессы. Случаи, когда всѣ хлопоты и прошенія не приводили ни къ какимъ результатамъ, извѣстны не меньше. Привожу характерный въ этомъ отношеніи отрывокъ изъ частнаго письма, написаннаго однимъ изъ иниціаторовъ такого неудавшагося дѣла. «Все, казалось, было улажено,—читаемъ въ этомъ письмѣ.—Архіерей отнесся сочувственно; его резолюція гласила: «разрѣшаю и благословляю»; недостатка въ учительскомъ персоналѣ не было, голова разрѣшилъ пользоваться помѣщеніемъ уѣзднаго училища, средства были готовы, ибо сочувствующихъ этому дѣлу лицъ было достаточное количество. Все такъ хорошо было, даже мѣстная газета объявляла обществу о скоромъ открытіи школы,—и все пошло прахомъ. Когда все было готово, учредительница отправилась къ губернатору заявить ему обо всемъ, и что-же? Прямо невѣроятно, но, къ сожалѣнію, фактъ. Привожу его слова: «не разрѣшить я не имѣю права, но помните, я три года добивался закрытія одной школы, а вы мнѣ преподносите еще новую! Совѣтую вамъ бросить это дѣло, если не желаете, чтобы ваша фамилія увеличила собою количество лицъ въ спискѣ неблагонадежныхъ». И школа не открыта и до сегодня... Нерѣдко препятствія къ открытію воскресныхъ школъ идутъ и со стороны учебной администраціи: нежеланіе-ли имѣть лишнее учрежденіе, за которымъ долженъ быть контроль, незнаніе-ли законоположеній о воскресныхъ школахъ, боязнь-ли отвѣтственности, но только препятствія идутъ и со стороны тѣхъ лицъ, которымъ, казалось-бы, должны были быть близки интересы учрежденія, родственнаго народной школѣ. Препятствія эти выражаются разнообразно: то, безъ объясненія причинъ, не принимаютъ прошенія, то отклоняютъ его, то не даютъ помѣщенія, то не утверждаютъ учительницъ... Воскресныя школы у насъ въ Россіи суть единственныя общеобразовательныя учрежденія, въ которыхъ взрослый человѣкъ изъ народа можетъ найти хоть какое-нибудь удовлетвореніе своимъ естественнымъ запросамъ, а между тѣмъ доступъ для него въ эти школы заграждается тысячами препятствій.

Очень вѣроятно, что инициаторы всѣхъ этихъ препятствій наивно повторяютъ про себя глубокомысленное соображеніе Манилова по поводу покупки у него Чичиковымъ мертвыхъ душъ. «А не будетъ-ли сія негоція препятствовать дальнѣйшимъ выгодамъ и видамъ Россіи?» И, вѣроятно, не разрѣшившій намъ школу директоръ считалъ, что и онъ стоялъ на стражѣ этихъ «дальнѣйшихъ выгодъ и видовъ Россіи». А наряду съ всѣми этими фактами запрещеній, «пресѣченій», препятствій и проч., такая просьба взрослой безграмотной ученицы: «хоть ужъ я и не молодая, а только примите меня ради Бога. Плохо нынче безъ грамоты-то. Въ дѣтствѣ не учили, по крайности хоть не помру дурой...» Мнѣ кажется, что слѣдовало бы это соображеніе безграмотной ученицы «плохо нынче безъ грамоты-то» разослать «циркулярно» по градамъ и весямъ нашего обширнаго отечества съ присовокупленіемъ, что «сіе не препятствуетъ дальнѣйшимъ выгодамъ и видамъ Россіи...»

II.

Школа открылась. На первый разъ пришло 37 ученицъ, что было не мало для нашего города, для дѣла, не успѣвшаго еще стать популярнымъ. Къ концу года число ученицъ достигло 160; второй и третій годъ далъ, приблизительно, тѣ-же цыфры, причемъ среднее число ученицъ на воскресенье колебалось между 70 и 90. Помѣщеніе наше состояло изъ двухъ классныхъ комнатъ, и въ тѣ дни, когда ученицъ бывало много, у насъ не хватало не только столовъ и скамеекъ, не хватало и воздуху. Одновременное занятіе 8—9 различныхъ группъ на свѣжаго человѣка производило впечатлѣніе базарной площади: шумъ, крикъ, говоръ, что-то нестройное, дикое. Но мы привыкли къ такимъ занятіямъ, и каждая группа слышала только свою учительницу, какъ каждая учительница слышала только своихъ ученицъ. Не мало и другихъ неудобствъ представляло наше школьное помѣщеніе: то мы угорали отъ дурно вытопленной печи, то принуждены были, и учительницы, и ученицы, заниматься въ шубахъ, дуть на окоченѣвшіе пальцы и наблюдать паръ отъ дыханія, когда почему-либо школа оказывалась нетопленной и ото всѣхъ восьми оконъ верхней комнаты дуло морознымъ воздухомъ. Но никогда эти школьныя невзгоды не нарушали хорошаго настроенія присутствующихъ, ни на іоту не уменьшали того оживленія и веселья, какія всегда царили у насъ. Многія изъ учительницъ не разъ признавались, что необыкновенно хорошо чувствуютъ себя въ школѣ, что самое грустное настроеніе разлетается отъ соприкосновенія съ этимъ живымъ, гудящимъ школьнымъ ульемъ. Оживленію школы

много способствовали дѣти, которыхъ у насъ, за три года, всегда было на половину всего числа ученицъ. Другую половину составляли подростки отъ 12 до 15 лѣтъ и взрослыя, отъ 16 до 30, 40 и болѣе. 47-ми-лѣтняя, почти старая на видъ, плохо видящая и въ то-же время чрезвычайно усердная, Елизавета Л., была самой старшей ученицей нашей школы; она и держала себя чрезвычайно солидно, нѣсколько скептически относилась къ мелюзгѣ, наполнявшей классъ своимъ шумнымъ щебетаньемъ, и даже заявляла, въ сущности, справедливую мысль, что лучше было-бы маленькихъ учить въ другіе дни, а то отъ нихъ «шума много». Но у насъ не было другихъ дней, и шумъ былъ явленіемъ, съ которымъ приходилось мириться «старушкѣ», какъ ее звали ученицы. Занятія происходили по воскресеньямъ отъ 12 до 4, и два раза въ недѣлю по вечерамъ, отъ 6 до 8. Ученицы не разъ заявляли о своемъ желаніи ходить по вечерамъ и чаще, но недостаточность учительскаго персонала заставляла насъ придерживаться этого порядка.

Дневные уроки начинались Закономъ Божіимъ, общимъ для всей школы, впослѣдствіи раздѣленной на двѣ части. Послѣ молитвы ученицы расходились по своимъ группамъ и начинались обычныя занятія: письмо, чтеніе, счетъ... За три года своего существованія школа научила грамотѣ болѣе сотни человѣкъ, и многія изъ нихъ, на третій годъ, продолжаютъ ходить къ намъ. Занятія съ безграмотными носятъ самый интенсивный характеръ: всѣ три часа посвящаются исключительно на грамотность—письмо и чтеніе. Алфавитъ проходятъ въ 10, 12 воскресеній; если группа велика, дѣло нѣсколько затягивается, но, во всякомъ случаѣ, къ концу полугодія всѣ читаютъ и пишутъ. Если преподаваніе не классное, то отдѣльныя, способныя ученицы проходятъ алфавитъ въ 5, 6 воскресеній и къ концу полугодія уже пишутъ короткія изложенія и берутъ на домъ книгу для чтенія. Въ общемъ-же, для ученицы со средними способностями механизмъ чтенія, при большихъ промежуткахъ въ занятіяхъ, какіе неизбѣжны въ воскресной школѣ, дается нерѣдко съ трудомъ, и у насъ были группы, особенно изъ взрослыхъ ученицъ, которыя и къ концу года читали медленно и съ ошибками. И вотъ, когда учительницы этихъ группъ, найдя, что дальнѣйшія усовершенствованія въ механизмѣ могутъ быть пріобрѣтены самостоятельно, путемъ чтенія дома, перешли со своими ученицами къ бесѣдамъ, то оказалось, что ученицы были недовольны. Не понравилось имъ прежде всего то, что цѣлый часъ онѣ ничего не читали и не писали, а только слушали. Прежде слушали онѣ о землѣ, смотрѣли глобусъ и картины и могли-бы, казалось, заинтересоваться этимъ, а между тѣмъ, по окончаніи урока, онѣ просили лучше чи-

тать съ ними. Для учительницы это было разочарованіе, но это былъ фактъ, съ которымъ такъ или иначе приходилось считаться. Оказывалось, что ученицы, еще слабо-грамотныя, едва научившіяся, или, вѣрнѣе, не научившіяся еще владѣть книгою, гораздо болѣе цѣнятъ занятія собственно грамотой, чѣмъ всякія бесѣды по географіи, исторіи. Еще если эти бесѣды идутъ какъ-нибудь въ связи съ чтеніемъ, въ видѣ дополненій и объясненій, онѣ мирятся съ ними, но самостоятельныя бесѣды, вмѣсто уроковъ, кажутся имъ чуть-ли не потерей времени. Съ одной стороны, въ этомъ фактѣ, вѣроятно, выражается слабое еще развитіе человѣка, впервые вступившаго въ сферу общенія съ книгою, его невоспріимчивость, быть можетъ; съ другой—инстинктивное стремленіе путемъ грамотности стать на собственныя ноги: вотъ почему дорожатъ онѣ каждой лишней диктовкой, каждой лишней страницей даже механическаго чтенія. Вѣдь, если, по условіямъ своей жизни, ученица уйдетъ изъ школы, узнавъ о шарообразности земли и о растительности теплыхъ странъ, но, не научась читать, то она выиграетъ меньше другой, ничего не знающей о землѣ, о теплыхъ странахъ, думающей, что шелкъ растетъ на деревьяхъ, если эта другая унесетъ изъ школы умѣнье прочесть книгу: изъ этой, изъ другой книги она узнаетъ и о землѣ, и обо всемъ [на свѣтѣ. Вотъ почему, признавая все развивающее значеніе бесѣдъ, я готова присоединиться къ этимъ взрослымъ малограмотнымъ ученицамъ, которыя, въ первый годъ своего пребыванія въ школѣ, упорно цѣпляются за букварь, охотнѣе всего упражняются въ механизмѣ чтенія и письма и считаютъ себя огорченными, когда эти рѣдкіе и безъ того часы занятій посвящаются бесѣдамъ «о матеріяхъ важныхъ». Но когда эти бесѣды происходятъ въ неурочное время, тогда ихъ отношеніе къ нимъ мѣняется, и онѣ охотно слушаютъ ихъ и приходятъ къ нимъ въ спеціально-назначенное время. Посѣщеніе школы ученицами неграмотныхъ группъ самое аккуратное, онѣ рѣдко, и только по дѣйствительно уважительнымъ причинамъ, пропускаютъ урокъ, часто просятъ на домъ букварь, листки съ вновь показанными буквами и упражняются сами. Первые опыты самостоятельнаго письма обыкновенно доставляютъ имъ громадное удовольствіе. Какъ образчикъ этой достигнутой къ концу перваго года грамотности, привожу слѣдующее описаніе своей предпраздничной недѣли, работу 20-ти-лѣтней ученицы-горничной. «Поутру, благословясь, принялась за работу: въ понедѣльникъ шторы гладила, во вторникъ шторы вѣшала, въ среду въ гостиной полы натирала. Цвѣтокъ уронила,—бѣда за бѣдой пошла: окно разбила, руку себѣ обварила. Въ пятницу куличъ святила,—мужикъ у меня куличъ столкнулъ,—стало жалко кулича, съ мужикомъ поругалась... Мало было

мнѣ времени, мало и написала, но я и тѣмъ довольна, что выучилась, и вѣчно буду за васъ Богу молиться. Писала я въ субботу вечеромъ; стала писать въ 12 часовъ, кончила полчаса втораго. Пишу, а сама думаю: хорошо-ли я пишу? — Хорошо тому учиться, кому времени много!» Какъ это бѣдно мыслью, какъ это узко,—скажутъ, быть можетъ, иные скептики. Но мы, учительницы, мы, знающія близко нашихъ ученицъ, не должны поддаваться такому скептицизму. У насъ есть наблюденія надъ авторами этихъ «бѣдныхъ мыслью» записокъ,—записокъ нескадныхъ, безграмотныхъ, и эти наблюденія скажутъ скептикамъ слѣдующее: 20-лѣтняя горничная С., авторъ приведенной работы, проучилась въ школѣ среднимъ числомъ, 30 воскресеній, или 90 часовъ, или, что то-же, мѣсяцъ нормальной ежедневной школы, т.-е. такое минимальное количество учебнаго времени, какое только можно вообразить себѣ. Время это она положительно урывала у своего трудового дня, наполненнаго разнообразными занятіями, перечисленными ею выше. Чтобы не забыть за цѣлую недѣлю показаннаго и объясненнаго въ школѣ, она нерѣдко ночью повторяла буквы и писала слова; она, ради школы, которую не пропустила ни разу за весь годъ, лишала себя единственнаго, доступнаго ей развлеченія—идти со двора въ праздникъ. И вотъ, когда примешь въ разсчетъ всѣ тѣ препятствія, которыя приходится преодолѣвать человѣку изъ народа, чтобы отвоевать себѣ право на какія-нибудь крохи знанія, то «бѣдное мыслью» письмо ученицы-горничной возбуждаетъ глубокое сочувствіе и уваженіе, а заключительныя слова этого письма «хорошо тому учиться, кому времени много!» не вызываютъ-ли цѣлой вереницы мыслей... Я уже сказала, что въ числѣ ученицъ, поступившихъ къ намъ безграмотными, было не мало дѣтей. Мы пробовали-было не принимать ихъ, предполагая, что для нихъ найдется мѣсто въ школѣ ежедневной. Но оказывалось, что эта ежедневная школа ежегодно оставляла за бортомъ цѣлую серію дѣвочекъ; иныя два и три года подрядъ ждали «случая», и этотъ случай не выходилъ. Матери выяснили намъ это обстоятельство, дѣвочки плакали, и поневолѣ «воскресная школа для взрослыхъ» наполовину превращалась въ школу дѣтскую. Самый фактъ этого искренняго сознанія матерей въ необходимости грамоты для ихъ маленькихъ дѣвочекъ казался намъ заслуживающимъ вниманія: слѣдовало поддержать это убѣжденіе, и мы принимали ученицъ въ теченіе цѣлаго года, и этотъ маленькій народъ, шумный и ласковый, наполнялъ нашу школу гамомъ дѣтскаго, непринужденнаго веселья. Недостаточность наличнаго количества ежедневныхъ школъ въ нашей мѣстности выражалась не только въ одномъ фактѣ наплыва къ намъ безграмотныхъ дѣтей: по статистикѣ оказы-

валось, что и полуграмотныя—по большей части самоучки; были такія-же и между порядочно-грамотными, и только самый небольшой процентъ учениць прошелъ школу ежедневную (первый годъ 8%, потомъ 9% и 10%). Такъ было и въ городѣ, то-же было въ пригородныхъ слободахъ, то-же и въ деревнѣ, откуда за 4 версты ходила къ намъ цѣлая серія дѣвочекъ. Такимъ образомъ, воскресная школа удовлетворяла насущной потребности мѣстнаго населенія, являясь необходимымъ дополненіемъ школы ежедневной, и оставалось только сожалѣть, что, благодаря тѣснотѣ помѣщенія и малочисленности учительскаго персонала, мы не можемъ раздвинуть шире рамки своей дѣятельности, не можемъ избѣжать отказовъ въ пріемѣ и туманныхъ обѣщаній принять «на будущій годъ, когда будетъ больше мѣстъ». Грамотныхъ группъ въ школѣ было ежегодно 4—5, причемъ одна, какъ-бы завершавшая собою зданіе нашихъ школьныхъ занятій, обыкновенно довольно многолюдная (12—15 чел.), знакомилась съ исторіей, географіей. Въ первый годъ существованія школы судьба этой старшей группы была плачевна. По недостатку опытности, по отсутствію правильной школьной организаціи, по малочисленности учительскаго персонала, вся школа за первый годъ представляла изъ себя нѣчто хаотическое; на группахъ неграмотныхъ это было менѣе замѣтно, такъ какъ опредѣленная цѣль—научить грамотѣ—достигалась сравнительно легко. Не то было съ грамотными группами. Мы еще не знали нашихъ учениць, еще не умѣли подойти къ нимъ, мы еще не знали ихъ запросовъ и то преувеличивали ихъ, то доводили до minimum'а, отъ котораго сами приходили въ отчаяніе. Занятія въ старшихъ группахъ шли какъ-то неровно, скачками, ощупью и въ концѣ концовъ свелись почти исключительно на «внѣшнюю грамотность». Диктовка, письменный и устный грамматическій разборъ, грамматическія упражненія и опять диктовка—вотъ, по преимуществу, въ чемъ былъ центръ тяжести занятій старшихъ группъ за первое полугодіе. Конечно, въ этомъ заключалась большая ошибка, которую мы и сознали. Если ученица владѣетъ механизмомъ чтенія на столько, что можетъ толково прочесть статью, если она пишетъ безъ звуковыхъ ошибокъ и можетъ выразить свою мысль, центръ тяжести занятій долженъ быть перенесенъ на сообщеніе свѣдѣній, на умственно-нравственное развитіе. Добиваться въ воскресной школѣ знанія орѳографическихъ тонкостей, требовать, чтобы ученицы непремѣнно различали окончанія прилагательныхъ множественнаго числа, ужасаться, если онѣ напишутъ *мячь* съ мягкимъ знакомъ на концѣ, посвящать часы на изученіе коренныхъ словъ съ буквою *ѣ*—есть, по моему, обидная и непроизводительная трата времени. Такой-же тратой времени считаю я и грамматическіе термины, всѣ эти мѣстоименія,

дополненія и обстоятельства, которыми такъ основательно возмущался Сережа Каренинъ въ романѣ гр. Толстого. «Такое маленькое, коротенькое и понятное слово «другъ»—есть *обстоятельство образа дѣйствія*!»—глубокомысленно недоумѣвалъ милый мальчикъ. И вотъ, результатомъ нашей ошибки было то, что всѣ три наши грамотныя группы, числомъ до 40 человѣкъ, понемногу растаяли, и къ концу года осталось 4, 5 ученицъ. Очевидно, не смотря даже на заявленіе ихъ при поступленіи, что они желаютъ больше всего «научиться писать и читать», онѣ не удовлетворялись тѣмъ способомъ, какимъ мы думали исполнить ихъ просьбу, и онѣ ушли отъ насъ. А мы должны были-бы употребить спеціальныя усилія, чтобы удержать у себя именно этихъ, уже грамотныхъ ученицъ, которыя могли-бы воспользоваться школою болѣе широко и прочно. Вѣдь, если ждать вліянія школы на невѣжественную среду городского женскаго населенія, то это вліяніе могло-бы легче всего распространиться именно при посредствѣ этихъ грамотныхъ женщинъ и дѣвушекъ, если-бы мы съумѣли удержать ихъ, научили ихъ обращаться съ книгой, цѣнить ее, если-бы мы расширили ихъ умственный кругозоръ. Конечно, попытки въ этомъ направленіи дѣлались въ первый годъ, но имъ не доставало системы, устойчивости... За-то этотъ неудачный годъ оказалъ намъ услугу: фактъ ухода почти всѣхъ ученицъ старшихъ группъ краснорѣчиво показалъ, что мы не такъ ведемъ дѣло, и теперь мы ведемъ его иначе. И теперь, многолюдная старшая группа ходитъ въ школу почти безъ пропусковъ, и днемъ, и вечеромъ, проявляетъ интересъ и любознательность, отсутствіе которыхъ такъ угнетало насъ въ началѣ. Диктовки играютъ уже очень скромную роль въ урокахъ письма, за-то выигрываетъ умѣнье изложить прослушанную бесѣду или дать отзывъ о прочтенной книгѣ. Были чтенія статей изъ школьныхъ книгъ,—статей, по большей части скучныхъ, сухихъ, за-то съ интересомъ выслушиваются бесѣды учительницы, и живой урокъ замѣняетъ собою механическое чтеніе. Есть, впрочемъ, группы, гдѣ такой способъ вести дѣло непригоденъ: иныя ученицы категорически заявляютъ, что имъ надо только научиться писать и упорно держатся этого желанія. Читать онѣ умѣютъ, т.-е. умѣютъ «разобрать» всякую книгу, имъ нужно умѣнье писать, и вотъ въ продолженіе всѣхъ 3-хъ часовъ школьныхъ занятій онѣ (большей частью взрослыя, даже пожилыя) пишутъ подъ диктовку, списываютъ, составляютъ письма, излагаютъ простые разсказы, а иногда и «сочиняютъ», лишь-бы побольше написать бумаги и скорѣе добиться желаннаго умѣнья. Такихъ ученицъ, впрочемъ, немного, и онѣ обыкновенно не долгія гостьи школы. Эти не долгія гостьи составляютъ даже особый «дѣловой» типъ ученицы. Имъ некогда терять время,

онѣ пришли въ школу не вообще поучиться, а съ опредѣленною цѣлью: одной надо выучиться читать по церковно-славянски, другой надо узнать цыфры до 100, третья хочетъ только писать, четвертая умѣетъ и писать, и читать, только покажите ей заглавныя буквы. И, получивъ требуемое, эти «дѣловые люди» уходятъ изъ школы, въ которую пришли, какъ приходятъ въ лавочку—купить на гривенникъ шерсти или на пятакъ масла, и, повидимому, ихъ даже удивляетъ то обстоятельство, что за наши цыфры, заглавныя буквы и славянское чтеніе мы не беремъ съ нихъ ни пятаковъ, ни гривенниковъ. Но, повторяю, ученицъ съ такими строго и узко практическими запросами—только очень незначительное число: два-три человѣка въ годъ.

Среднія группы школы—самыя многочисленныя у насъ: это слабограмотныя самыхъ разнообразныхъ формацій. Здѣсь и ученицы, научившіяся грамотѣ у насъ, но еще не могущія быть зачисленными въ разрядъ грамотныхъ, потому что онѣ не читаютъ, а «разбираютъ» книжку и пишутъ еще плохо; здѣсь и такія, которыя вовсе не умѣютъ писать, хотя читаютъ порядочно, и такія, которыя, по времени пребыванія въ школѣ (3 года), должны были-бы быть грамотными, но, по неспособности-ли, или по частымъ пропускамъ уроковъ, все еще не могутъ твердо стать на ноги. Въ среднихъ группахъ—механическое чтеніе, или чтеніе простыхъ, не требующихъ большихъ отступленій статей, преобладаетъ: ученицы сами просятъ побольше заставлять ихъ читать и только жалѣютъ, что такъ мало времени и что до воскресенья «опять, пожалуй, разучишься»! Дополненіемъ къ занятіямъ служатъ у насъ чтенія вслухъ учительницей, для чего мы дѣлимъ школу на двѣ большія группы: 1) дѣти, 2) подростки и взрослыя. На первый годъ чтенія велись по воскресеньямъ и на нихъ удѣлялись послѣднія полчаса, иногда и 10, 15 лишнихъ минутъ послѣ 4-хъ. Чтенія велись безъ системы и были исключительно беллетристическія. Ученицы охотно оставались на нихъ, хотя иныя заявляли, что «лучше-бы учиться». На второй годъ мы уже не урывали этого учебнаго получаса, а читали въ праздники, приходившіеся на недѣлѣ, при чемъ часть времени посвящалась занятіямъ, другая часть чтенію. На третій годъ произошла новая перемѣна: мы читали по праздникамъ, но уже занятій не производили. Скоро и праздниковъ показалось мало, и мы рѣшили отдать на чтеніе и нѣсколько вечернихъ уроковъ. Измѣнился и самый характеръ дѣла. Рѣшено было раздѣлить время такъ: сначала бесѣда дѣлового характера, а потомъ чтеніе. Послѣ долгихъ обсужденій, мы остановились на мысли познакомить ученицъ съ простѣйшими окружающими ихъ въ повседневной жизни предметами, каковы: соль, желѣзо, ка-

менный уголь, стекло, ситецъ, керосинъ, бумага, познакомить ихъ съ добываніемъ, обработкой этихъ предметовъ и подготовить ихъ къ болѣе труднымъ темамъ.

Первыя три бесѣды о каменномъ углѣ, соли и бумагѣ прошли довольно удачно. У учительницъ были подъ руками образцы угля, кокса, торфа, коллекція соли, прекрасная коллекція по писчебумажному производству, затѣмъ картина шахты и много рисунковъ. Бесѣды вышли оживленными, ученицы заинтересовались, передавали другъ другу свои впечатлѣнія, просили дать имъ прочесть книжку объ углѣ и соли.

Послѣ дѣловой бесѣды шло чтеніе: читали *Женитьбу* Гоголя, *Бѣдность не порокъ* Островскаго... Въ дѣтскихъ группахъ бесѣды шли о звѣряхъ, что совпало съ недавнимъ посѣщеніемъ школой звѣринца, и читались сказки и легкіе разсказы. Интересъ къ этимъ чтеніямъ со стороны взрослыхъ превзошелъ наши ожиданія, и учительницы нѣкоторыхъ группъ рѣшили провести рядъ такихъ бесѣдъ со своими ученицами независимо отъ бесѣдъ общихъ. Приходимъ къ заключенію, что такой способъ нагляднаго преподаванія едва-ли не самый удобный въ воскресной школѣ.

Другого важнаго подспорья преподаванія — внѣкласснаго чтенія ученицъ — наша школа не имѣла. Библіотеки при школѣ не было. Каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ для церковно - приходскихъ школъ не удовлетворялъ нашихъ ученицъ, ни взрослыхъ, ни маленькихъ. Завести при школѣ другую библіотеку, по типу библіотекъ начальныхъ училищъ—намъ не разрѣшали. Попытка устроить совершенно независимую отъ школы народную библіотеку не увѣнчалась успѣхомъ, и мы могли давать нашимъ ученицамъ «отъ себя» только нѣкоторыя народныя, дешевыя изданія, которыя брались нарасхватъ, читались съ жадностью, и которыя, обойдя небольшой кругъ читателей, возвращались къ намъ въ видѣ черныхъ, изодранныхъ, замасленныхъ и уже никуда не годныхъ трубочекъ (тоненькія книжки свертываются въ трубочки и укладываются въ карманъ). Ни системы, ни провѣрки, ни подбора не могло быть въ этомъ чтеніи и, конечно, оно давало мало результатовъ.

III.

Болѣе 400 ученицъ перебывало въ школѣ за три года ея существованія. Иныя только «проходили черезъ школу» едва-ли не въ буквальномъ смыслѣ этого слова, оставаясь у насъ одно, два воскресенья. Были ученицы, которыя уходили изъ школы, какъ только научались грамотѣ; были такія, которыя, научась, оставались вѣрны

нам и посѣщали занятія и на третій годъ; были, наконецъ, и такія, которыя покидали насъ по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ и выражали по этому поводу искреннее сожалѣніе. Уходившія замѣнялись новыми, и двѣ наши школьныя комнаты всегда были переполнены народомъ. Народъ этотъ былъ разнообразный, и присмотрѣться къ нему было небезъинтересно. Правда, у насъ было мало времени для этихъ наблюденій. Насъ, учащихъ, всегда бывало слишкомъ недостаточно, мы были заняты всѣ четыре часа, и нерѣдко приходилось намъ, за манкировкой учительницъ, заниматься одновременно въ нѣсколькихъ группахъ. Ученицы проходили передъ глазами, какъ въ калейдоскопѣ: каждая была интересна, каждую хотѣлось узнать, изучить, но школьная жизнь не ждетъ, она требуетъ постояннаго участія въ ней, и невольно ловишь только бѣглыя впечатлѣнія. Иногда, впрочемъ, удавалось, отрѣшась отъ впечатлѣній частныхъ, охватывать взглядомъ всю школу. И тогда сливались отдѣльныя ученицы, вы видѣли не Иванову, Николаеву, Петрову, — вы видѣли какъ-бы типъ ученицы, ученицу *коллективную*. Дѣвочка или взрослая, молодая или пожилая—это былъ человѣкъ изъ народа, изъ того трудящагося класса, котораго жизнь въ продолженіе цѣлой недѣли представляетъ постоянную работу. Дѣвочки, живущія дома и значащіяся въ нашихъ журналахъ подъ рубрикою «безъ опредѣленныхъ занятій», несутъ на себѣ тотъ-же трудъ большихъ: стирка, мытье половъ, нянчанье ребятъ, бѣганье на посылкахъ. Дѣвочки, живущія у хозяекъ-портнихъ, худенькія и блѣдныя, дѣвушки-мастерицы, всю недѣлю согнувшіяся надъ иголкою, женщины хозяйки, ведущія весь обиходъ домашняго хозяйства, поденщицы, прачки, служанки — всѣ онѣ одинаково заняты недѣлю. И всѣ онѣ въ единственный свой свободный день приходятъ въ школу. Зачѣмъ? Съ какою цѣлью? Чего онѣ ждутъ отъ школы? Этими вопросами, конечно, задавались мы и пытались предлагать ихъ нашимъ ученицамъ. Отдѣльныя ученицы отвѣчали на это различно: «чтобы мужу помогать вести счеты по лавкѣ; чтобы читать божественныя книги; чтобы, когда надо, письмо дочкѣ написать и въ немъ то высказать, что черезъ чужого не передать; чтобы передъ людьми не было стыдно; чтобы въ хозяйствѣ по счетамъ не путать; чтобы въ церкви лучше понимать; чтобы читать хорошія книги» и проч. Такіе отвѣты даютъ отдѣльныя ученицы, но я соединяю эти отвѣты въ одинъ, обобщаю ихъ тѣмъ общимъ мотивомъ, который ясенъ во всѣхъ нихъ, несмотря на кажущееся разногласіе, и влагаю этотъ отвѣтъ въ уста коллективной ученицы. Эта ученица говоритъ только одно: «я пришла, чтобы научиться грамотѣ», и въ этомъ простомъ, ясномъ и короткомъ отвѣтѣ выражается множество сложныхъ и разнообразныхъ ощущеній: и инстинк-

тивное стремленіе къ свѣту, и чувство собственной безпомощности, безпочвенности и темноты, и крѣпкая вѣра въ силу грамоты, которая разсѣетъ этотъ мракъ, и идеальные запросы души, и реальный практическій разсчетъ здороваго ума. И всѣ эти соображенія, ощущенія и инстинкты влекутъ въ нашу тѣсную, душную, неустроенную школу и молоденькую дѣвушку-мастерицу, и хорошенькую замужнюю лавочницу съ мечтательными глазами, и пожилую, суровую на видъ прачку-поденщицу съ грубыми руками и грубымъ голосомъ, и веселую, способную домохозяйку, приходящую къ намъ со своею 12-тилѣтнею дочкой. Есть и еще не мало общихъ чертъ у этой типичной коллективной ученицы нашей школы. Она окружена невѣжественною средою, она лишена разумныхъ развлеченій, ея жизнь бѣдна интересами и полна безпросвѣтной тьмы и грубыхъ суевѣрій; она нигдѣ не сталкивается съ образованными людьми, нигдѣ не находитъ книгъ, «умственнаго» разговора и нѣтъ никакихъ толчковъ для ея дремлющей мысли. Но въ то-же время она далеко не тупа, у ней чуткое, нѣжное сердце и огромный запасъ того «сердечнаго» пониманія, которое покрываетъ пробѣлы ума... Чтобы продлить эту характеристику коллективной ученицы, прибавлю, что она въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно довѣрчива (въ противоположность взрослому ученику-мужику) и по первому вашему ласковому слову, обнаруживающему участіе къ ней, готова разсказать вамъ всю интимную сторону своей жизни. Въ ней много желанія показать учительницѣ свое расположеніе, свою признательность, она положительно не знаетъ, какъ и отблагодарить за ту микроскопическую услугу, которую оказываешь ей, отдавая школѣ эти нѣсколько часовъ. Такова, въ общихъ чертахъ, коллективная ученица нашей школы. А затѣмъ встаютъ въ памяти отдѣльные образы, отдѣльныя лица. Вотъ умная, развитая, серьезная Пелагея Е., горничная по профессіи. Она поступила къ намъ уже хорошо грамотной и составляла украшеніе нашей старшей группы. Она много читала, знала Лермонтова, Пушкина, Некрасова, у нея были любимыя произведенія, и она говорила стихи съ какой-то особенной задушевной выразительностью. Я до сихъ поръ живо помню, какъ на нашей первой ёлкѣ она сказала ею-же выбранное стихотвореніе Лермонтова «Ангелъ»: «И долго на свѣтѣ томилась она, желаніемъ чуднымъ полна», — звучитъ для меня до сихъ поръ ея не сильный, выразительный голосъ, и сколько грусти было и въ этомъ голосѣ, и въ этихъ какъ-бы задумавшихся, устремленныхъ въ пространство глазахъ... И когда кто-то, привыкшій, быть можетъ, къ аффектированнымъ декламаціямъ чтецовъ, заявилъ, что нельзя давать такихъ «чудныхъ» стиховъ для декламаціи ученицъ, что съ нихъ довольно и басенъ,—это возраженіе показалось мнѣ возмутительнымъ, и я го-

това была увѣрять, что никогда и никто не сказалъ этого «чуднаго» стихотворенія съ большимъ чувствомъ, съ большимъ пониманіемъ и большей выразительностью, чѣмъ эта тихая, блѣдная дѣвушка... Рядомъ съ Пелагеей Е., быть можетъ, какъ контрастъ, вспоминается мнѣ неспособная, мало развитая Александра Т., не долгая гостья въ нашей школѣ. Почти старуха, несмотря на свои 34 года, черная, худая, высокая, по деревенски повязанная темнымъ платочкомъ, она всегда, при входѣ въ классъ, набожно крестилась широкимъ крестомъ, крестилась и садясь за книгу, крестилась и принимаясь за письмо. Такого страстнаго желанія научиться грамотѣ мнѣ почти не приходилось встрѣчать раньше. Научиться ей хотѣлось за тѣмъ, чтобы читать «божественныя книги», и, право, я не знаю ничего трогательнѣе этого идеальнаго стремленія къ «божественной» книгѣ,—стремленія, не окрашеннаго никакими матеріальными соображеніями. Божественная книга была нужна этой усталой, истерзанной, измученной жизнью женщинѣ, какъ успокоеніе, какъ укрѣпленіе, какъ идеальное средство переносить жизненныя невзгоды. А невзгодъ этихъ было не мало, и когда она разсказывала о нихъ, въ промежуткѣ занятій, я понимала, отчего такой старухой смотритъ она, несмотря на свои 34 года, отчего такія глубокія морщины бороздятъ ея измученное печальное лицо. Несложны были факты этой грустной біографіи: замужество противъ воли съ нелюбимымъ человѣкомъ, несчастная семейная жизнь съ пьянымъ мужемъ, который билъ ее и въ пьяныя, и въ трезвыя минуты, смерть единственнаго сына, тоска, одиночестко... Такихъ біографій можно насчитать тысячи въ жизни русской женщины изъ народа и, вѣроятно, не одна изъ нихъ, подобно Александрѣ Т., находитъ утѣшеніе въ безрадостной мысли, что есть люди, «и больше насъ терпятъ». Ученье давалось ей съ огромнымъ трудомъ. Она пришла къ намъ уже знающей «склады» по старому способу, со старинными названіями буквъ. И буквамъ, и складамъ она научилась сама, но дѣло у ней не клеилось. И, Боже мой, какимъ трудомъ было для нея обращеніе съ этими буквенными чудовищами, какъ въ письмѣ не могла она никакъ попасть на требуемую букву и безнадежно перебирала весь свой мудреный алфавитъ! Сколько разъ падала ея энергія, и она безнадежно заявляла: «Нѣтъ ужъ, видно не научиться мнѣ, такъ, знать, и помру дурой». Однако усилія учительницы перевести ея алфавитъ на звуковое произношеніе увѣнчалось успѣхомъ, и она поняла тайну сліянія звуковъ. И когда неуклюжіе пальцы ея въ первый разъ совершенно самостоятельно изобразили нѣсколько словъ, надо было видѣть дѣтскій восторгъ этой тихой женщины. Однако ей такъ и не удалось доучиться: мужъ получилъ мѣсто гдѣ-то въ уѣздѣ, они уѣхали изъ города, и

неизвѣстно, дало-ли какіе-нибудь результаты ея короткое пребываніе въ школѣ, читаетъ-ли она «божественную» книгу и находитъ-ли въ ней то, чего жаждала ея душа...

Интереснымъ типомъ ученицы была и безграмотная Надежда Ш. Я живо помню ея первое появленіе въ школѣ. Шелъ урокъ пѣнія, пробовали голоса. Впереди сбившихся въ кучу ученицъ выступила высокая, худенькая дѣвушка, только-что записавшаяся въ школу. Невольно обращалъ на себя вниманіе ея странный костюмъ—какая-то синяя самотканная юбка, такая-же кофта-безрукавка съ заплатами, линючая рубашка, холщевая сума черезъ плечо, онучи и плохіе башмаки. Она вышла впередъ, опустила руки, устремила куда-то вдаль печальные глаза и звонкимъ, какъ колокольчикъ, высокимъ голосомъ начала пѣть молитву, какъ-то по своему, не обращая вниманія на то, что разошлась съ хоромъ, что на нее съ недоумѣніемъ уставились дѣвочки-ученицы, что онѣ улыбаются, подталкиваютъ другъ друга. Точно она забыла, гдѣ она, точно она унеслась въ какой-то свой міръ... Всѣмъ намъ показалась интересной и загадочной эта миловидная нищенка въ живописномъ костюмѣ, такъ выдѣлявшемся среди шаблонныхъ «нѣмецкихъ» платьевъ остальныхъ ученицъ. Узнали мы о ней слѣдующее. Она жила въ глухой улицѣ на краю города, въ маленькой бѣдной избушкѣ, у женщины, пріютившей ее изъ милости. Была у ней гдѣ-то мать, которую она не знала и которая бросила ее еще ребенкомъ, былъ какой-то дальній дядя, вѣчно пьяный и самъ не имѣвшій пристанища. Съ самаго дѣтства началась скитальческая жизнь дѣвочки, о которой некому было позаботиться и которую, кромѣ того, никуда нельзя было и пристроить, такъ какъ лѣвая рука ея, сухая и уродливо искривленная, дѣлала ее неспособной къ работѣ. Было что-то неладное и въ головкѣ заброшеннаго ребенка, и прозваніе «юродивой» осталось за ней и до сегодня. Хозяйка избушки разсказала намъ, что она нигдѣ не живетъ по-долгу, что она «сбираетъ» и этимъ кормится, но иногда, если попросятъ, отдаетъ все собранное и остается ни съ чѣмъ, что она часами сидитъ на лавкѣ, задумавшись, и молчитъ, какъ убитая; а иногда по-долгу стоитъ передъ образомъ, кладетъ поклоны, плачетъ и шепчетъ молитву. Первый годъ своего пребыванія въ школѣ Надежда Ш. на всѣхъ насъ производила впечатлѣніе человѣка ненормальнаго. Какъ ученица, она была мало успѣвающая. Къ концу года она научилась медленно читать отдѣльныя слова и остановилась на этомъ: ея одноклассницы уже читали небольшія статейки, бойко передавали содержаніе ихъ, а она со своей застѣнчивой улыбкой, со своимъ взглядомъ «не отъ міра сего», казалось, не въ силахъ была уловить связь отдѣльныхъ прочитанныхъ

ею словъ. Передъ концомъ учебнаго года, весной, она ушла изъ школы, ушла въ свою прежнюю жизнь безумныхъ грёзъ и религіозныхъ порывовъ, въ жизнь, которую, вѣроятно, не могла замѣнить ей наша школьная мудрость. Весной я нѣсколько разъ видѣла ее сидящею на заваленкѣ дома съ глубоко-задумавшимся печальнымъ лицомъ. Иногда она пѣла что-то непонятное, неясное, безъ словъ, безъ опредѣленной мелодіи, иногда она улыбалась, и мнѣ казалось неловкимъ разрушать ея, можетъ быть, поэтическій міръ банальнымъ вопросомъ: почему она не ходитъ учиться? Однако на слѣдующій годъ и на третій также она опять явилась въ школу, и для насъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что школа развила ее. Она научилась читать, беретъ на домъ книжки, понимаетъ ихъ и передаетъ ихъ содержаніе; она смотритъ вокругъ сознательнымъ, осмысленнымъ взоромъ, она искренно привязана къ учительницѣ и почти не бываетъ случая, чтобы она пропускала занятія. Связь ея со школой особенно закрѣпилась послѣ слѣдующаго трагическаго эпизода: однажды, за прошеніе милостыни, ее взяли въ часть, и надъ ней былъ назначенъ судъ. Исходъ суда могъ быть двоякій: или ее признали-бы виновной въ прошеніи милостыни «по лѣни», и тогда ей грозило-бы тюремное заключеніе; или ее признали-бы неспособной къ работѣ и выслали-бы по этапу въ деревню, гдѣ у ней нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, и гдѣ ей предстояла-бы тяжелая участь быть навязаннымъ обществу бременемъ. Искать защиты, помощи было не у кого, но Ш. вспомнила школу и сочла, что кому-же и заступиться за нее, если не учительницѣ. Послѣ ряда хлопотъ, переговоровъ, докторскихъ свидѣтельствъ и проч. ее освободили изъ части, гдѣ она провела мучительные пять дней, и признали неспособной къ работѣ, оставили на жительствѣ въ городѣ съ строгимъ приказаніемъ однако «впредь не попадаться». И эта защита учительницъ, и та матеріальная помощь, которую онѣ сочли себя обязанными организовать по отношенію къ несчастной дѣвушкѣ, еще больше привязали ее къ школѣ, въ которой она видитъ какъ-бы убѣжище отъ жизненныхъ невзгодъ...

Вспоминается мнѣ еще цѣлый «столъ» дѣвочекъ-звуковиковъ. Съ краю сидитъ толстая краснощекая Маша, которую мы, за ея сообразительность, способность, за ея умѣнье отвѣчать на всѣ вопросы, въ шутку прозвали «учителемъ». Шло-ли чтеніе вслухъ, «учитель» всегда поправлялъ ошибки, шла-ли диктовка—только у «учителя» можно было найти вѣрно и отчетливо написанное слово. Сколько бывало смѣху, когда иногда проштрафится и она, когда слово окажется труднымъ и она вмѣстѣ съ другими напишетъ *масо* вмѣсто «мясо» или «туфакъ» вмѣсто «тюфякъ». Столъ волнуется: «и у учителя

ошибка, ай-да учитель!» смѣются дѣвочки не менѣе заразительно, чѣмъ сама Маша. И скучный урокъ диктовки проходилъ у насъ иногда такъ оживленно бурно, что другія учительницы съ недоумѣніемъ оглядывались на нашъ буйный столъ. Рядомъ съ Машей сидитъ дѣвочка въ полосатой «полушалкѣ», съ плоскимъ некрасивымъ лицомъ, на которомъ какъ-то косо расположены добрые каріе глаза и огромный улыбающійся ротъ. Это Матреша изъ дальней подгородней улицы. Ея мать молочница, отецъ—плотникъ; они недавно только переѣхали въ городъ изъ деревни, и отпечатокъ этой деревни вы ясно видите на неуклюжей, немного застѣнчивой дѣвочкѣ, въ грубыхъ сапогахъ, сарафанѣ и платочкѣ. Ученье не очень-то спорится у ней: буквы выходятъ безобразныя, тетрадь вся въ кляксахъ, въ чтеніи она вѣчно фантазируетъ,—прочтетъ начало слова и присочинитъ къ нему свой конецъ, первое, что подвернется на языкъ, но только не то, что надо. «Ай не такъ?» удивленно подниметъ она свои добрые глаза, видя, что я продолжаю держать карандашъ у того-же слова, и вдругъ, забывая и слово, и школу, и меня, какъ учительницу, говоритъ мнѣ таинственно: «а у насъ нынче опять дьяконъ былъ».—«Какой дьяконъ?» готова спросить я съ удивленіемъ, но вспоминаю, что за каждымъ урокомъ, довѣрчиво и всегда такъ-же неожиданно, Матреша коротко передаетъ мнѣ различные эпизоды своей домашней жизни. И какъ отецъ тесъ на избу купилъ и его надули, и какъ тетка «на смерть» захворала, и какъ на базарѣ «мамка двѣ кринки молока разбила»; было говорено что-то и про дьякона, только я уже не помню что, но, не желая сознаться въ этомъ, говорю сочувственно: «въ самомъ дѣлѣ былъ! это хорошо»— Видимо дѣвочкѣ хочется продолжать свое сообщеніе, и она уже отодвигаетъ букварь, собираясь побесѣдовать, но мнѣ некогда, другія ученицы ждутъ очереди, и я опять держу карандашъ у не дающагося слова; «солома, малина, молоко, корова» читаетъ она своимъ тихимъ, немного хриплымъ голосомъ, но, черезъ минуту, придерживая пальцемъ «корову», чтобъ не потерять читаемаго, она говоритъ скороговоркой: «а у насъ корова скоро телиться будетъ», и опять продолжаетъ свое монотонное чтеніе. Я не отучаю ее отъ этихъ неожиданныхъ «лирическихъ отступленій», мнѣ жалко запретить ихъ ей, этой ласковой дѣвочкѣ, такъ наивно увѣренной, что я съ интересомъ слѣжу за дьякономъ, за тесовою крышей новой избы, за всѣми перипетіями ея маленькой жизни. Матреша—это сама наивность, это—нетронутая деревня. А рядомъ съ нею сидитъ бойкая, умная, развязная Ольга Г., маленькая нищенка. Остренькая мордочка съ веселыми живыми глазками, задорно вздернутый носъ, непокорно торчащіе вихры темныхъ остриженныхъ волосъ, вылѣзающихъ изъ-

подъ небрежно повязаннаго платка, худенькая, но крѣпкая фигурка въ рваномъ платьишкѣ—это типичная дѣвочка улицы. Рядомъ съ наивной Матрешей, она, моложе ея лѣтами, кажется маленькой женщиной: такъ много у ней особеннаго, уличнаго знанія жизни, людей, отношеній. Въ свои 10 лѣтъ она пережила уже многое и знаетъ такія стороны жизни, о которыхъ и понятія не имѣетъ наивная деревенская Матреша. Отецъ Ольги—воръ и пьяница: онъ тащитъ изъ семьи въ кабакъ все, что можно, онъ не разъ сиживалъ въ острогѣ, онъ бьетъ мать, и маленькая 10-лѣтняя Ольга говоритъ солиднымъ тономъ взрослой: «хучъ-бы померъ, развязалъ-бы насъ», и въ то-же время, когда онъ сидитъ въ острогѣ, она бѣгаетъ навѣщать его и несетъ ему купленный на выпрошенныя деньги калачъ. Ольга въ совершенствѣ знаетъ несложную науку нищенства. Она знаетъ—кто, въ какой день и гдѣ раздаетъ «на споминъ души», чорствымъ-ли хлѣбомъ или грошами, и бѣжитъ туда вмѣстѣ съ толпой нищихъ, дерется за сухой калачъ и бранится, если его перехватываютъ другіе. Она знаетъ, какъ надо одѣться, чтобы идти просить, и совсѣмъ иначе одѣвается, когда приходитъ въ школу; она знаетъ, *кого* и *какъ* надо просить и *чѣмъ* можно разжалобить. Мать ея работаетъ поденно, но этихъ денегъ не хватаетъ на уплату за комнату, на кормленье 4-хъ дѣтей, и при этихъ условіяхъ нищенство маленькой Ольги выростаетъ въ необходимость, въ нѣчто такое, чѣмъ она какъ-бы гордится.—«Вѣдь мать твоя работаетъ,—говорила ей иногда дѣвочка,—зачѣмъ-же ты по улицамъ собираешь?»—«Ишь,—отвѣчала она, не задумываясь, энергично встряхивая своею стриженою головенкою,—ловка тоже! Работаетъ!.. На хлѣбъ заработаетъ, такъ, небойсь, однимъ хлѣбомъ-то не наѣшься. Небойсь и чайку съ сахаркомъ попить захочешь!»—И добыча для семьи «чайку съ сахаркомъ» лежитъ всецѣло на обязанности Ольги. А обязанность эта совсѣмъ не легкая, требующая, кромѣ спеціальныхъ знаній, еще и извѣстной доли самоотверженія. Не только надо помнить, гдѣ подаютъ и когда, не только знать, какъ просить, у кого и что говорить, но надо и прибѣжать раньше другихъ, чтобы, напримѣръ, при раздачѣ сухого хлѣба, добыть себѣ хорошее мѣсто, поближе къ двери, надо потерпѣть, стоя на морозѣ, надо отстоять себя, когда другіе начнутъ выпихивать, желая стать ближе, надо умѣть отвѣтить на ругань еще болѣе крѣпкою бранью, надо, въ случаѣ надобности, и подраться за сухую булку... А городовые, а часть! Ольга знаетъ и эту сторону жизни, она на практикѣ знакома съ этимъ учрежденіемъ; случалось ей и убѣгать отъ городового, случалось ей и сидѣть въ части «за нищенство»...

Когда запасъ чаю и сахару еще не вышелъ, или когда почему-либо

матеріальныя обстоятельства семьи стоятъ въ разновѣсіи, Ольга «гуляетъ» по улицамъ, совлекая съ себя всѣ примѣты нищенки: у ней какое-то нескладное, но все-же довольно приличное пальтецо, которое она величаетъ «дипломатомъ», у ней веселое личико, улыбающіеся глазенки, она идетъ въ припрыжку, останавливается поглазѣть у магазиновъ, торгуетъ себѣ сусальный пряникъ у бабы-торговки. Но въ дни церковныхъ службъ у паперти церкви ее можно встрѣтить почти навѣрно: очевидно, слишкомъ велико искушеніе, и маленькая дѣтская ручка тянется къ выходящимъ изъ церкви вмѣстѣ съ другими старыми, трясущимися руками. «Послѣ обѣдни въ одинъ разъ больше наберешь, чѣмъ за день,—говоритъ она дѣловито,—купцы подаютъ, купчихи тоже. Бываетъ, что и пятакъ отвалятъ. Извѣстно, спасаются!» И это свойство купчихъ «спасаться» посредствомъ пятаковъ даетъ дѣвочкѣ воскресный чай со свѣжимъ калачикомъ,—роскошь, доступную только въ праздникъ. Другой праздничной роскошью было для нея посѣщеніе школы по воскресеньямъ и вечерамъ. Я не преувеличиваю, называя это роскошью. Просторное, свѣтлое, чистое помѣщеніе—такой должна казаться наша жалкая школа ей, живущей въ крошечной, тѣсной каморкѣ; ласковыя учительницы, веселыя подруги, легкое ученіе. Ни чей смѣхъ не раздавался громче и заразительнѣе, никто чаще другихъ не горевалъ, что скоро кончаются уроки, никто не заявлялъ чаще, что въ школѣ «страсть, весело!» и что «хучъ-бы кажный день такъ-то учиться, такъ ништо!» Весело было и смотрѣть на эту улыбающуюся, всегда оживленную мордочку. И когда, разъ какъ-то, она явилась въ меланхолическомъ настроеніи, взобралась на подоконникъ, отвернулась къ окну и на всѣ вопросы подругъ отвѣчала рѣзко: «чего пристала, скучно, да и на!», то всѣ дѣвочки были въ недоумѣніи и озабоченно говорили учительницамъ: «что-то у насъ съ Ольгой сдѣлалось!» Но не прошло и пяти минутъ, какъ Ольга уже была въ центрѣ кружка и что-то оживленно разсказывала и смѣялась. Иногда бывало просто трудно услѣдить за нею, столько являлось у ней неожиданныхъ фантазій; она, хотя уже и дисциплинированная жизнью, не хотѣла слиться съ толпой, выскакивала изъ рамокъ «Чтой-то не ндравится мнѣ тутъ читать,—заявляла она, напримѣръ, во время чтенія очередной страницы изъ букваря,—какія-то слова все ко-о-ротенькія, я лучше снизу начну». Или: «вотъ ужъ эту букву не люблю, страсть, и зачѣмъ ее такую выдумали, ужасенная, быдто изгородь кривая!»—такъ аттестовала она букву *ж*, которая въ ея тетради, дѣйствительно, напоминала кривую изгородь. Иногда пишемъ слова подъ диктовку: всѣ исполняютъ работу чинно, вдумчиво, стараясь не пропускать звуковъ. Ольга быстро-быстро водитъ перомъ и первая заявляетъ:

«готово!», и когда другія еще дописываютъ, она, низко наклонясь къ тетради, улыбаясь и облизываясь, пишетъ букву x; послѣ каждаго слова стоитъ нѣсколько x, иногда цѣлыя строчки этой буквы тянутся одна за другою. «Зачѣмъ это, Ольга?», спросишь ее. «Ужъ больно хороша буква-то, — говоритъ она простодушно, — все-бъ ее писала! Глядите-ка: быдто пляшетъ! Ну, ужъ и буква!». И въ каждую свободную минуту и на тетради, и на доскѣ, и даже на столѣ изображаетъ она полюбившуюся ей пляшущую букву. Дѣвочки подруги любятъ веселую нищенку, охотно слушаютъ ея неистощимые разсказы, ея разнообразныя сообщенія. А знаетъ она рѣшительно все: гдѣ былъ пожаръ, гдѣ похороны, что случилось на улицѣ, и даже о загробной жизни у ней очень основательныя свѣдѣнія: праведники и грѣшники, по ея словамъ, одинаково будутъ горѣть въ огнѣ, только для праведниковъ огонь будетъ «не вредителенъ», и они будутъ сидѣть въ немъ «ве-е-селые... ручки скламши», а грѣшники—«ну, тѣмъ худо,—кочевряжатся! У насъ картинка есть, поглядѣли-бы: и-ихъ, страсть!»

Не мало свѣдѣній о загробной жизни, также почерпнутыхъ отчасти изъ «картинъ», отчасти изъ устныхъ легендъ, имѣетъ хорошенькая взрослая Анисья Ч., живущая послушницей въ монастырѣ. Одѣтая во все черное, съ низко надвинутымъ на лобъ чернымъ платкомъ, съ низко опущенной головой, съ опущенными глазами 18-тилѣтняя Анисья — настоящій типъ будущей монахини по призванію. Она не любитъ смѣха, не любитъ пустыхъ разговоровъ; она держится въ сторонѣ отъ веселыхъ товарокъ по школѣ. Ея красивые сѣро-зеленые глаза почти всегда опущены, и когда она иногда поднимаетъ ихъ на васъ, вы видите въ нихъ выраженіе тихой, мечтательной грусти. Какая-то своеобразная поэзія чудится мнѣ въ этой хорошенькой, задумчивой дѣвушкѣ. Мнѣ жаль ея добровольнаго отреченія отъ радостей мірской жизни, мнѣ жаль ея свѣжей молодой красоты, обреченной завянуть въ стѣнахъ монастыря, мнѣ жаль той «искры божіей», которая несомнѣнно есть въ ней и которая, какъ это часто бываетъ въ лучшихъ людяхъ изъ народа, гонитъ человѣка изъ жизни реальной. Я знаю нѣсколько штриховъ ея біографіи. Знаю, что она была балованнымъ ребенкомъ въ достаточной семьѣ, что ее наряжали, холили, что у ней были подруги, поклонникъ и женихъ. «Только скучно мнѣ все это чего-то было,—разсказывала она своимъ тихимъ голосомъ,—велятъ мнѣ нарядъ хорошій надѣть, на гулянье идти, а мнѣ скучно, хоть плачь; не могу идти, постыло мнѣ все это». И ее тянуло подальше отъ веселья и шума, и она уходила въ поле, въ лѣсъ... «сижу себѣ одна, думаю, или молитву пою про себя». Наконецъ, она пробралась въ монастырь, устроилась въ немъ, счи-

таетъ себя счастливой и мечтаетъ о постриженіи. Она съ умиленіемъ разсказываетъ о церковныхъ службахъ, о церковномъ пѣніи, о тишинѣ монастырской жизни. Когда мы читаемъ въ книгѣ молитву, или когда я расказываю содержаніе евангельской исторіи, она смотритъ на меня съ широко-раскрытыми глазами, и изъ этихъ глазъ льются слезы. Покаяніе, постъ, работа, послушаніе, длинныя монастырскія службы—все это удовлетворяетъ мистическимъ порывамъ ея души, какъ удовлотворяютъ имъ и страшныя легенды, которыя въ ходу между мало-развитыми монахинями. Много дѣтски-наивнаго въ этихъ легендахъ, въ этихъ своеобразныхъ вѣрованіяхъ: Аниса твердо убѣждена, что у суетнаго человѣка внутри сидитъ паукъ, что у завистливаго въ сердцѣ свила себѣ пристанище змѣя и т. д.,—все это нарисовано на лубочной картинѣ, висящей въ сѣняхъ кельи, все это такъ-же безусловно, какъ и истины вѣры. Вѣритъ она также и въ то, что постлать кому-нибудь постель — значитъ избавить себя отъ 10 грѣховъ, и потому, наравнѣ съ другими послушницами, торопится возможно большему числу старшихъ сестеръ оказать эту услугу. И ни тѣни сомнѣнія, ни тѣни колебанія. Тихо, безшумно, размѣренно катится колесо жизни, дремлетъ мысль, дремлетъ чувство, куда-то вдаль отодвигается реальная дѣйствительность съ ея печалями и радостями, и вся сила души, вся жизнь сердца уходитъ въ замаливаніе своихъ грѣховъ въ одинокой тиши маленькой кельи. И грустно мнѣ смотрѣть на хорошенькую Анису, и я невольно представляю ее себѣ черезъ нѣсколько лѣтъ — постарѣвшей, блѣдной, съ выраженіемъ сухого безстрастія на осунувшемся лицѣ, съ безпощаднымъ осужденіемъ міра и его «прелестей». Уже и теперь черта нетерпимости иногда проглядываетъ въ ней. Слушая веселое щебетанье сосѣдки на скамьѣ, 20-ти-лѣтней бойкой Паши П., которая разсказываетъ и про свою новую шляпку, и про жильцовъ, которые стоятъ у нихъ на квартирѣ, и про свадьбу подругъ, гдѣ она танцовала, хорошенькая послушница строго сжимаетъ губы и отворачивается, чтобы не слушать «пустыхъ рѣчей». Но веселая Паша, олицетвореніе жизнерадостности, не боится осужденія и вступаетъ съ нею въ диспутъ. «Не въ монастырѣ только спасенье,—говоритъ она энергично и увѣренно,—мало-ли у васъ въ монастырѣ-то грѣховъ... Что-жъ, что шляпку надѣла? Я ее зря не ношу, только въ церковь хожу въ ней, на свои купила, на заработанныя. Какой-же тутъ грѣхъ, сдѣлайте милость?» — «Суета это», строго и вдумчиво произностъ монашенка, не глядя на собесѣдницу и устремляя куда-то вдаль свои прелестные, ясные глаза... Но «земная» Паша уже сорвалась съ мѣста, и примѣры, сравненія, доказательства такъ и сыпятся на собесѣдницу. Она говоритъ о знако-

мой фельдшерицѣ, которая ходитъ за больными, ѣздила на холеру, бѣдныхъ даромъ принимаетъ. «Что-жъ, это худо? Душу-то она развѣ не спасаетъ? А въ шляпѣ ходитъ и въ дипломатѣ, ну, и что-жъ?»—«То барыня»,—совершенно нелогично или, можетъ быть, слишкомъ логично заявляетъ Аннуся возлѣ—взрослая, пожилая ученица, очевидно, всѣмъ сердцемъ принимающая сторону защитницы монастыря. «А въ монастырѣ-то у васъ,—не унимается Паша,—нѣтъ, небойсь, грызни, зависти, поклеповъ да сплетень? Всѣ-ли тамъ-то спасаются?!» Задумчивая монашенка продолжаетъ молчать, все глядя куда-то вдаль своими красивыми глазами; можетъ быть, ей нечего сказать въ отвѣтъ, а можетъ быть, ей преставляется въ эту минуту та сторона монастырской жизни, которая видна только чистымъ экзальтированнымъ натурамъ. Я тоже храню молчаніе, оставаясь въ роли наблюдателя. Маленькая нищенка Ольга, опершись локтями о столъ и положивъ на руки свою косматую головенку, съ живымъ интересомъ слѣдитъ за говорящими, перебѣгая отъ одной къ другой своими быстрыми плутовскими глазенками. Я такъ и жду, что она вставитъ въ эту полемику какой-нибудь оригинальный афоризмъ, но она только смотритъ, и иногда обернется въ мою сторону, какъ-бы желая знать, что-же скажу я на все это. А востроносенькая Поля, мало интересующаяся этимъ непонятнымъ для нея разговоромъ, тянетъ однообразнымъ голосомъ, осторожно дергая меня за рукавъ: «учиться-бы! что-жъ такъ-то даромъ, пописать-бы, вонъ страницу-то не дописали...» Разговоръ разомъ стихаетъ, перья обмакиваются въ чернильницы и защитница шляпки, и послушница, и нищенка, и пожилая ученица — всѣ одинаково усердно выводятъ вновь показанную букву и шепчутъ про себя диктуемое слово. Прошелъ годъ, и тихая Аниса оставила школу. Она научилась читать Псалтырь — это былъ ея идеалъ, предѣльный пунктъ ея стремленій, и больше ей не нужна была наша школа. Какъ-то разъ я встрѣтила ее на улицѣ. «Отчего вы не ходите учиться?»—спросилъ я ее, между прочимъ. Она посмотрѣла на меня удивленно своими ясными глазами: «Чего-жъ мнѣ больше учиться? — спросила она добродушно. — Читать, слава Богу, научилась, теперь и Псалтырь, и всякую церковную книгу прочту; даже въ церкви на клиросѣ читаю. Спаси васъ Богъ, что научили меня, я за васъ, за учительницъ, завсегда молюсь, а только учиться мнѣ больше нечему». Мы попрощались, и темная фигурка съ блѣднымъ лицомъ и опущенными глазами скрылась въ толпѣ. Родственная по натурѣ монашенкѣ, но болѣе земная и менѣе наивная 28-лѣтняя Анна Д. Она также изъ созерцательныхъ, изъ вдумчивыхъ; у ней также свой внутренній міръ, который она таитъ отъ посторонняго взгляда. Но только въ этомъ мірѣ происходитъ сложная

испытливая работа мысли. Анна Д.—старая дѣвушка (въ крестьянской и мѣщанской средѣ 28 лѣтъ считаются почти старостью) и у ней уже, очевидно, кончился тотъ періодъ жизни, когда есть еще надежда на личное счастье. Она живетъ со стариками родителями, содержитъ ихъ своей работой и позволяетъ себѣ единственную роскошь—посѣщеніе школы. Въ ихъ средѣ къ этой ея «затѣѣ» относятся иронически; кажется, ворчатъ на это и ея старики, но она отстаиваетъ свое право на ученье и рѣдко пропускаетъ уроки. Въ школѣ она отдыхаетъ отъ домашнихъ заботъ и дрязгъ, отъ сѣрыхъ будней; школа открываетъ ей новые горизонты, будитъ въ ней вопросы, и все это даетъ содержаніе ея жизни. Она много читаетъ,—читаетъ толково, вдумчиво, увлекаясь. Въ ней нѣтъ односторонности: она интересуется всѣмъ, что интересно; жизнь Ломоносова, его борьба за право учиться, его труды на пользу родины производятъ на нее такое же впечатлѣніе, какъ и жизнь подвижника. Оба живутъ не для себя, въ обоихъ искра Божія, и она не умаляетъ одного ради другого.

Еще множество лицъ вспоминается мнѣ... Толстая, розовая 16-тилѣтняя Маланья К. приходила къ намъ изъ деревни, за 6 верстъ отъ города. Въ школу она стала ходить по собственному желанію и вопреки «общественному мнѣнію» деревни: 16-лѣтняя дѣвушка считается уже невѣстой, а воскресные дни, по обычаю, проводитъ въ гуляньѣ по деревенской улицѣ вмѣстѣ съ подругами однолѣтками. И подруги Маланьи смѣялись надъ ней: «люди наряжаются, а ты въ школу идешь». Но что-то тянуло въ школу эту деревенскую дѣвушку-подростка, хотя она и не умѣла выразить этого словами. «Хотца поучиться,—говорила она бойко,—что жъ такъ-то? Хошь-бы въ книжку читать, скучно такъ-то, а замужъ еще не охота».

Удивительно нетронутую почву въ смыслѣ какого-бы то ни было вліянія книги, грамоты представляла собой эта дѣвушка. У нихъ въ деревнѣ почти не было грамотныхъ, совсѣмъ не было книгъ и печатная бумага фигурировала только въ качествѣ «цыгарокъ», которыя скручивали изъ газетныхъ лохмотьевъ возвращавшіеся съ базара парни. Дѣвушка знала нѣсколько молитвъ, говоря ихъ неправильно путая слова до неузнаваемости и рѣшительно не понимая смысла,—но это и была ея единственная «культура», насаженная безграмотной матерью. Молитву «Богородице Дѣво» она читала напримѣръ «яко Спася ладиря есидушъ нашъ» и не только не понимала отдѣльныхъ словъ или общаго смысла молитвы, но даже не знала, кому эти молитвы, и отвѣчала мнѣ сконфуженно: «вотъ ужъ этого дѣла мы не знаемъ! Учили насъ такъ, а кому это, къ примѣру, молитва—этого дѣла мы не знаемъ, кто-жъ ее знаетъ?»—«Ты меня поучи,—при-

бавляла она потомъ довѣрчиво,—можетъ, я и пойму,—я доходчива». И, дѣйствительно, она была «доходчива». Считала она, напримѣръ, удивительно бойко, пользуясь при выкладкахъ какими-то своими способами и какими-то манипуляціями на суставахъ пальцевъ, за чѣмъ я никакъ не могла услѣдить. Бойкость при счетѣ объяснялась практикой: дѣвушка продавала на базарѣ молоко и навострилась въ вычисленіяхъ. «Это, къ примѣру, безъ пятака рупь,—говорила она, загибая одинъ палецъ,—а тутъ же по сороку по два ежели два фунта—безъ «шашнадцати» рупь,—вотъ те и 2 рубля безъ двадцать безъ одной».—«Сколько-жъ денегъ?—спрашиваю я ее, пользуясь шаблономъ методикъ.—«Денегъ-то,—тянетъ она, соображая,—а вотъ дали онѣ 2 рубля, а ты двадцать одну имъ отдай», и, очевидно, проникнутая вся практикой своего молочнаго торга, говоритъ резонно: «послѣ сочтешь, когда къ концу,—можетъ, еще покупать станутъ, что-жъ кажный разъ-то путаться». Механизмъ сложенія на счетахъ она поняла въ два урока, но не особенно оцѣнила его. «Молока продать я и безъ счетовъ сочту, да и куда-же на базарѣ со счетами возжаться, я те и безъ счетовъ хоть какъ раскладу», и дѣйствительно, она справлялась и съ дробями, если только передъ ней были не отвлеченныя числа, а знакомые ей предметы деревенскаго обихода—капуста, яйца, молоко и проч. Но, увы! черезъ четыре воскресенья дѣвушка исчезла, и мы потеряли ее изъ виду: показался-ли ей медленнымъ ходъ нашихъ занятій, показались-ли ей малы достигнутые ею за 4 воскресенья результаты—это умѣнье прочесть и написать десять, пятнадцать словъ по букварю (она-же была изъ способныхъ), одержало-ли верхъ общественное мнѣніе деревни и праздничныя гулянья подъ акомпаниментъ гармоники, или были другія причины, но только, къ сожалѣнію, Маланья не являлась больше. Скрылась изъ школы и другая способная, также безграмотная 18-лѣтняя дѣвушка портниха, но въ причинѣ ея ухода изъ школы лежалъ, какъ оказалось, религіозный фанатизмъ семьи. Ея мать, старовѣрка, узнавъ, что дочь ходитъ учиться въ школу, читаетъ по свѣтскимъ книгамъ, слушаетъ уроки священника, пришла въ ярость, категорически запретила ей это, взяла ее изъ того магазина, гдѣ она была портнихой, чтобы отдать «куда построже», и, говорятъ, поставила ее дома на поклоны—отмаливать «грѣхъ».

Вообще, надо сказать, тяжелое впечатлѣніе производило знакомство съ семьями нашихъ ученицъ, съ представителями стараго поколѣнія, какъ они рисовались въ наивныхъ разсказахъ дѣтей. По нашимъ записямъ отмѣчалась прежде всего почти поголовная безграмотность отцовъ и матерей и полное отсутствіе книгъ въ обиходѣ жизни. Отцы, по большей части, оказывались пьяни-

цами и когда какая-нибудь 10-лѣтняя крошка повѣствовала о послѣдней, еще свѣжей въ памяти семейной драмѣ, другая заявляла солидно: «нѣтъ, у насъ тятька хорошій,—онъ только по праздникамъ пьянъ, и маму не бьетъ,—всѣ даже дивятся, какой у насъ тятька». А хорошенькая Маша З., фигурирующая у насъ въ качествѣ красавицы въ живыхъ картинахъ, дополняетъ бесѣду сообщеніемъ, что ея отецъ у нихъ «младенца убилъ»: пришелъ пьяный, сталъ драться, младенца изъ люльки выронилъ, у него ребра обломились, черезъ три дня померъ».—«Что это, Паша, какая ты безпамятная!» говорю я разъ, стараясь скрыть раздраженіе, но чувствуя, что оно уже есть во мнѣ: четыре урока подрядъ дѣвочка не можетъ запомнить чего-то очень простого, уже давно усвоеннаго ея подругами. «А нѣтъ у меня памяти нисколько,—говоритъ она добродушно, поднимая на меня свои наивные глаза,—какъ мамка все по головѣ била, какъ я поменьше была, всю память выбила»...—«Простите, я вашу книжку не принесла,—говоритъ 14-лѣтняя ученица,—пришелъ батюшка вчера пьяный, всю изодралъ въ куски; я склеить хотѣла, да кусковъ не хватаетъ». —«Ты отчего не была въ школѣ?» спрашиваю маленькую и очень аккуратную ученицу.—«А у насъ тятька пьяный былъ, нельзя было отлучиться»,—вотъ сообщенія, которыя сплошь и рядомъ приходится слышать въ школѣ. Какъ не быть пьянымъ! Въ нашемъ маленькомъ провинціальномъ городкѣ что ни улица, то «распивочно и на выносъ», но у насъ не хватаетъ школъ, у насъ нѣтъ ни народныхъ чтеній, ни народной библіотеки, ни склада народныхъ книгъ, и когда иныя матери со слезами на глазахъ просятъ насъ принять дѣвочку въ школу, мнѣ чудится въ этомъ не высказываемая надежда: «авось, съ грамотой лучше ей будетъ на свѣтѣ жить».

Паша М. и Дуня К.—самыя маленькія ученицы школы. Паша поступила еще съ перваго года. Чтобы маленькая бѣлокурая головенка ея съ коротко остриженными, забавно торчащими волосами хоть немного поднималась надъ столомъ, надо было подкладывать ей на лавку, въ видѣ сидѣнья, нѣсколько книгъ и покрывать ихъ толстымъ географическимъ атласомъ, иначе ее не видно. Крошечная рука ея, точно рука куклы, вцѣпилась въ карандашъ, короткія ножки болтаются подъ скамейкой, голова наклонена на бокъ, кончикъ языка высунутъ,—она вся усердіе, и косыя, кривыя буквы такъ и пестрятъ бумагу: «Написала, еще чего?» то и дѣло слышишь ея веселый возгласъ, и если учительница занята, если она забыла о ней, Паша соскакиваетъ съ своего сѣдалища, подбѣгаетъ къ ней и, дергая ее за платье, шепчетъ убѣдительно: «вѣдь кончила я, чего-жъ дальше писать?» Эти сцены повторялись часто, потому что маленькая Паша

чуть-ли не весь первый годъ оставалась «внѣ жизни»: изъ одной группы ее выключали за малолѣтство, изъ другой изъ-за тѣсноты. Одно время она все-таки вмѣстѣ съ нѣсколькими, также крошечными дѣвочками, составляла группу, но учительница ихъ часто манкировала и безпризорное положеніе ея не прекращалось. Помню, что такимъ отношеніемъ учительницы она бывала очень недовольна; помню, какъ обиженно подходила она ко мнѣ, дергая меня за рукавъ, если я не обращала на нее вниманія, и говорила, не то негодуя, не то жалуясь: «наша-то! опять не пришла! Кто-жъ со мной учиться будетъ?» А хорошенькая 8-лѣтняя Дуня, за которой такъ и осталось прозвище «бабочки», потому что она на одной изъ живыхъ картинъ изображала бабочку, спутницу весны,—смотритъ на школу менѣе серьезно, мало заинтересована своими успѣхами, выводитъ въ тетради невообразимыя каракули и, какъ настоящая бабочка, веселая, юркая, жизнерадостная, блеститъ на всѣхъ своими ласковыми глазенками.

IV.

Школьные праздники—это поэтическія странички школьной жизни. Они производятъ глубокое впечатлѣніе на ученицъ, оставляютъ въ нихъ свѣтлыя воспоминанія, они могутъ имѣть и имѣютъ нерѣдко развивающее значеніе, наконецъ, они способствуютъ сближенію, простотѣ отношеній. Наши школьные праздники имѣютъ свою исторію: въ первый годъ это была традиціонная ёлка, но чѣмъ дальше, тѣмъ мы становились смѣлѣе и наша программа дѣлалась разнообразнѣе. Я считаю не лишнимъ дать здѣсь описаніе этихъ нѣсколькихъ школьныхъ праздниковъ: можетъ быть, нашими программами воспользуются другія школы, можетъ быть, онѣ, узнавъ, какъ мало стоили намъ всѣ эти эффектныя живыя картины, какъ въ этихъ случаяхъ положительно изъ ничего создавались цѣлыя феерія, устроятъ нѣчто подобное и у себя.

Не надо и средствъ: наши вечера съ живыми картинами, съ бенгальскимъ освѣщеніемъ, даже съ музыкой (одна скрипка), никогда не стоили намъ дороже 5—6 рублей, а удовольствія, веселья бывало вдоволь! Надо прежде всего описать нашу школу—арену всѣхъ этихъ праздниковъ,—это тоже поучительно: не надо ни огромнаго помѣщенія, ни эстрады, ни приспособленій для сцены; самая плохая школа съ закопченными стѣнами и съ стеариновымъ огаркомъ, какъ освѣщеніе, можетъ сыграть роль зала театра для неизбалованной публики. Наша школа состояла изъ двухъ комнатъ. Верхняя, довольно большая, въ четыре окна очищалась отъ наполнявшей ее въ обыкновенное время класса мебели: неуклюжіе длинные столы уносились

внизъ, и такъ какъ другого помѣщенія не было, то столы эти загромождали собой нижній классъ, образуя что-то вродѣ баррикадъ. Среди этихъ баррикадъ тѣснилось и жалось 100 учениць нашей школы въ ожиданіи того момента, когда звонокъ извѣститъ о началѣ праздника. Итакъ, верхняя комната очищалась: въ ней оставались только скамейки, шкафы и классная доска. Скамейки (длинныя, на 5 челов.) подбирались «къ росту», составлялись вмѣстѣ, связывались веревками, и это была наша эстрада. Мѣстомъ эстрады, а также сцены служило пространство, ограниченное однимъ окномъ и выступомъ печки: въ учебное время тамъ занималась группа изъ пяти, десяти дѣвочекъ, въ праздничное это была сцена. Эстрады покрывались коленкоромъ, грязныя закоптѣлыя стѣны задрапировывались чѣмъ-нибудь, на проволоку вѣшалась коленкоровая занавѣсь изъ оконныхъ сторъ, и театръ былъ готовъ. Возлѣ шкафа ставилась классная доска, какъ прикрытіе, и образовавшійся уголокъ изображалъ «уборную артистовъ». Наши три стѣнныхъ лампы наливались полной порціей керосина, наши оловянные подсвѣчники разставлялись вездѣ, гдѣ было можно: къ окнамъ, къ шкафу, на уступахъ печки, оставшіяся скамейки располагаются рядами—и всѣ приготовленія были покончены. Нельзя было, конечно, украсить ни безобразныхъ грязныхъ стѣнъ, ни пола, залитаго чернилами, ни черной трубы отъ печки, идущей черезъ весь классъ: но кто-же станетъ смотрѣть на эти мелочи! И вотъ, въ этой классной комнатѣ и происходитъ нашъ праздникъ. Во второй годъ, на Рождествѣ, кромѣ ёлки, были устроены и живыя картины. Живыя картины произвели фуроръ, и съ тѣхъ поръ привились у насъ. Были у насъ и двѣ сцены изъ «Красной Шапочки». У кого-то изъ знакомыхъ, на счастье, нашлось чучело волка и коверъ съ волчьей головой. Двѣ ёлки, привязанныя къ скамейкамъ, зеленый коленкоръ на полу, изображающій траву, и декорація готовы: изъ «лѣсу» выходитъ волкъ, совсѣмъ настоящій волкъ съ блестящими глазами, оскаленной пастью, и хорошенькая черноглазая Стеша Ш., въ красной шапочкѣ, съ растрепавшимися кудрями черныхъ волосъ, въ юбочкѣ, передникѣ, съ традиціонной корзиночкой, указываетъ волку, какъ пройти къ бабушкѣ. «Гляди-ка, кукла», шепчутъ дѣвочки, не узнавая въ этой неподвижной, точно застывшей фигуркѣ, эффектно освѣщенной бенгальскимъ огнемъ, ту самую Стешу, которая учится съ ними въ одной группѣ. Декорація мѣняется. «Лѣсъ» покрывается простыней, потому что убирать его и некогда, и некуда и потому что, покрытый простыней, онъ легко можетъ сойти за пологъ бабушкиной кровати; на двухъ табуреткахъ укладывается коверъ съ волчьей головой, на которую предварительно напяливаютъ чепчикъ, огромная подушка, которую любезно одолжаетъ намъ наша школьная прислужница—старуха

Марья, подкладывается подъ голову, недавняя трава дѣлается одѣяломъ, и мы присутствуемъ при сценѣ свиданія Красной шапочки съ волкомъ, выдающимъ себя за бабушку. Дѣти стонутъ отъ восторга: «а волкъ-то, гляньте, гляньте, и въ чепчикѣ—ахъ, песъ тебя ѣшь!»—вскрикиваетъ нищенка Ольга, всѣмъ сердцемъ отдающаяся веселью.—«А Степка-то,—шепчутъ другія,—не шелохнется, какъ есть кукла!» Волкъ уволакивается въ ту-же «уборную артистовъ», гдѣ идетъ уже дѣятельное одѣванье къ слѣдующей картинѣ. Чтобы зрители не скучали ожиданіемъ, въ антрактахъ поетъ хоръ учениц или, взобравшись на стоящій передъ эстрадой ариѳметическій ящикъ, чтобы быть выше, ученицы декламируютъ стихи и басни. Маленькая Паша М., не останавливаясь на знакахъ и только распѣвая въ тактъ, тараторитъ любимую всѣми дѣтями сиротку—«Вечеръ былъ, сверкали звѣзды, на дворѣ морозъ трещалъ»... Паша сама выбрала стихи, долго упрашивала, чтобы ее «пустили» читать, долго разучивала стихи съ учительницей, причемъ никакъ не могла справиться со словомъ «промолвилъ». Отбарабанивъ «Сиротку», она въ восторгѣ спрыгиваетъ съ ящика. «Хорошо-ли?—спрашиваетъ она меня, блестя глазами,—трудное-то слово я пропустила». Хоръ поетъ какую-то русскую пѣсню, и въ это время, подъ прикрытіемъ учительницъ, шествуютъ на сцену дѣйствующія лица картины «Спящая Красавица». Нищенка Ольга изображаетъ старуху-колдунью. Она въ черномъ балахонѣ, въ очкахъ, съ надвинутымъ на лобъ капюшономъ, изъ котораго торчатъ вихры ея напудренныхъ волосъ. Она ужасно похожа на колдунью и, войдя въ роль, устраиваетъ себѣ самое свирѣпое лицо. Спящая красавица, еще не спящая въ первой картинѣ, въ розовомъ платьѣ, съ распущенными волосами, на которыхъ блеститъ золотая бумажная корона, необыкновенно мила и тоже—настоящая принцесса. Еще лучше она въ слѣдующей картинѣ, когда старухи уже нѣтъ, веретено—виновникъ несчастія—лежитъ на полу, а она, откинувшись на спинку кресла, будто дремлетъ, чуть глядя изъ подъ длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ. А толстенькая Саша Г., въ епанчѣ изъ чьей-то дѣтской бархатной юбочки, въ малиновомъ беретѣ изъ бархатнаго лоскута, со шпагой изъ золотой бумаги—прелестный принцъ; этотъ принцъ, склонивъ одно колѣно передъ красавицей, пробуждаетъ ее къ жизни. Правда, не надо слишкомъ подробно разсматривать этого принца, потому что у него есть изъяны костюма; та сторона, которая обращена къ публикѣ, обдумана болѣе строго, чѣмъ другая, гдѣ все устроено на живую нитку, пришпилено булавками, но, что за дѣло,—картина все-таки необыкновенно эффектна, и публика въ полномъ восторгѣ... Немного труднѣе было устроить на нашихъ подмосткахъ сказку «Золушку», гдѣ много дѣйствующихъ

лицъ и гдѣ долженъ быть дворецъ принца. Но какихъ только затрудненій ни преодолѣть, если захочешь этого. Мы украсили сцену остатками отъ ёлокъ: бумажныя цѣпи, золотыя звѣзды, фонарики— и стѣна смѣло могла сойти за стѣну царской передней. Выступъ печки долженъ былъ изображать входъ въ парадныя комнаты, и мы задрапировали эту печку чьимъ-то ярко краснымъ коленкоровымъ домино; это былъ занавѣсъ; неуклюжая черная лѣстница, по которой взбирается наша старуха Марья, когда закрываетъ какую-то печную трубу, теперь пошла въ дѣло: она прислонена къ печкѣ, покрытая ковромъ, и по этой лѣстницѣ спускается принцъ въ погонѣ за Золушкой, обронившей золотой башмачекъ. Золушка очень мила въ своемъ бѣломъ платьѣ, украшенная цвѣтами, съ длинной бѣлой мантіей, устроенной изъ шторы и обшитой золотымъ бордюромъ изъ бумаги; прелестенъ и маленькій пажъ весь въ красномъ, несшій ея мантію. Картинъ Золушки цѣлыхъ пять, онѣ быстро мѣняются, и такимъ образомъ передъ публикой проходитъ вся сказка въ лицахъ. Очень мила маленькая Катя Р., изображающая волшебницу. У ней коротенькое пышное платьице—старый бумажный абажуръ лампы, покрытый кружевомъ, у ней блестящая корона и золотая палочка. Она стоитъ на ариѳметическомъ ящикѣ, простирая вверхъ свою магическую палочку, и Золушка-замарашка превращается въ нарядную красавицу. На ёлкѣ послѣдняго года, вмѣсто сказки, мы поставили нѣсколько картинъ на тему стихотворенія А. Толстого «Сватовство». Сначала учительница прочла самое стихотвореніе, а затѣмъ поднялась занавѣсъ. Было довольно затруднительно умѣстить на маленькой эстрадѣ такъ много народа, но—въ тѣснотѣ да не въ обидѣ! Княжна, князь, двѣ княжны близко другъ къ другу сидѣли справа, а витязи стояли съ другой стороны, на самомъ краю скамейки, такъ что мы должны были напомнить имъ, чтобы они не оступились. Князь Владиміръ имѣлъ немного напуганный видъ, потому что сдѣланная изъ пакли борода и усы никакъ не держались на немъ, но во всемъ прочемъ онъ былъ великолѣпенъ. Мѣховая шапка, обшитая на верхушкѣ на-крестъ золотой бумагой, перекинутая черезъ плечо мантія, прошлогодняя мантія Золушки, голубое коленкоровое полукафтанье, искусно задрапированное и подколотое булавками, все это положительно было въ самомъ русскомъ стилѣ. Княгиня сидѣла съ пряжей, княжна—за пяльцами; впрочемъ, пяльцы забыли принести и ихъ замѣняла грифельная доска, покрытая полотенцемъ; ариѳметическій ящикъ, который мы никогда не употребляли на урокахъ и который обыкновенно игралъ большую роль на нашихъ школьныхъ праздникахъ, и теперь въ ходу: онъ служилъ сидѣньемъ для одной изъ княженъ. Витязи задрапированы въ старые сѣрые платки, очень похожіе

на лохмотья. Княжна, опустивъ глаза, лукаво улыбается, княгиня все свое вниманіе устремила на пряжу, хотя и было ей предписаніе смотрѣть на витязей; князь, озабоченный своей все спадающей бородой, поддерживаетъ ее рукой. Занавѣсъ падаетъ. Платки быстро сдергиваются, новая картина—«и свѣтлы, какъ заря, два славные предстали предъ нимъ богатыря». Богатыри, дѣйствительно, сіяютъ, какъ заря, такъ много потрачено на нихъ золотой бумаги, сверкаютъ золотомъ и ихъ шлемы и кольчуги, искусно сдѣланные изъ бумаги, и «крыжатые мечи» и края «корсунской накидки», какъ слѣдуетъ по тексту стиховъ, обшиты золотомъ, и даже сапоги, сшитые на скорую руку изъ обрѣзковъ старой клеенки, такъ и блестятъ, на наше удивленіе. Опять падаетъ занавѣсъ, и въ новой картинѣ хорошенькая Маша З., одна изъ княженъ, держитъ въ рукахъ подносъ съ чарками, угощаетъ витязей; это уже наше добавленіе къ стихотворенію, и эта сцена особенно эффектна. Хорошенькая Маша въ глазетовомъ сарафанѣ, въ бѣломъ атласномъ кокошникѣ съ жемчужными поднизями, тонкая, стройная, изящная, съ своимъ классически-правильнымъ личикомъ, съ большими, опущенными длинными рѣсницами, сѣрыми глазами—настоящая боярышня. Она точно застыла со своимъ подносомъ въ своей красивой позѣ съ немного наклоненной головой и опущенными глазами. Это—прелестная картинка, и зрители въ полномъ восторгѣ. Въ числѣ картинъ ставили мы и времена года. Такъ какъ желающихъ участвовать всегда множество, то мы каждому времени года дали спутника. У весны была бабочка—веселая, живая Дуня въ коротенькомъ розовомъ платьѣ и съ крылышками; у зимы—«подзимокъ—маленькая черноглазая дѣвочка, изображавшая сугробъ снѣга, изъ котораго только и виднѣлось ея хорошенькое личико съ блестящими глазками; осень стояла обнявшись съ дѣвочкой-крестьянкой, державшей въ рукахъ корзину съ фруктами и большую тыкву, а у ногъ лѣта изъ снопа соломы вылѣзала головка въ вѣнкѣ изъ васильковъ,—«подлѣтокъ», какъ опредѣлили зрители. Картина вышла необыкновенно удачной. Царица зимы въ бѣлой мантіи, увѣшанной ледяными сосульками (хрустальныя подвѣски отъ люстры); весна, усыпанная цвѣтами, въ вѣнкѣ изъ розъ и травъ; лѣто съ серпомъ, съ колосьями и тоже въ цвѣтахъ; осень, украшенная золотыми листьями,—все это въ освѣщеніи магнія было такъ красиво, такъ волшебно.... Бумажные цвѣты производили впечатлѣніе настоящихъ цвѣтовъ, бертолетовая соль на ватѣ сверкала, какъ настоящій снѣгъ, а дѣйствительно настоящій снопъ напоминалъ о деревнѣ, о лѣтѣ.... И какіе пустяки стоило намъ устройство этихъ картинъ. Покупали мы только бенгальскій огонь, золотую бумагу, иногда немного коленкора, остальное находилось дома, у знакомыхъ

перешивалось, передѣлывалось и служило намъ безъ конца. «Ничто въ природѣ не пропадаетъ»—это-же можно было примѣнить и къ нашимъ праздникамъ. Я уже упоминала о зеленомъ коленкорѣ, который послѣдовательно былъ и травой, и одѣяломъ, и скатертью, и занавѣской; изъ него-же былъ сшитъ костюмъ одного изъ витязей, и теперь, распоротый, онъ ждетъ новаго примѣненія. Очень удалась намъ полу-картина, полу-представленіе «Казачья колыбельная пѣсня». Стѣны были соотвѣтственно убраны полотенцами, на столикѣ, покрытомъ русской скатертью, стояла деревянная чашка, солонка, глиняный кувшинъ; не были забыты кинжалъ и пистолетъ отсутствующаго казака. На шестѣ была привѣшена зыбка, возлѣ нея сидѣла съ пряжей взрослая ученица. одѣтая казачкой. Она пряла, качая зыбку, и пѣла: «Спи, младенецъ мой прекрасный, баюшки-баю, тихо смотритъ мѣсяцъ ясный въ колыбель твою» и т. д. Мѣсяца, конечно, не было. но розовый бумажный фонарикъ, повѣшенный въ уголку, возлѣ стола, освѣщалъ всю сцену таинственнымъ полусвѣтомъ и, казалось, что это дѣйствительно малороссійская хатка и что это настоящая казачка. Пусть ея пѣніе было далеко отъ совершенства, пусть слишкомъ громкимъ голосомъ укачивала она своего мнимаго ребенка, все-таки, въ общемъ, картинка была поэтичная и производила впечатлѣніе. Понравилось зрителямъ и исполненіе въ лицахъ стихотворенія Плещеева «Бабушка и внучекъ». 12-ти-лѣтняя Паша въ очкахъ и шали, съ чулкомъ въ рукахъ и бѣломъ чепчикѣ—была идеальной бабушкой. И откуда у ней взялся и этотъ мѣрный говоръ, и это покачиванье головой, и это чисто старушечье спокойствіе: самое лицо ея—круглое, розовое, безъ всякаго грима—было настоящимъ лицомъ старушки, а заключительныя слова своей роли «бѣгай въ школу, Ваня, только спѣси тамъ не набирайся, какъ научишься наукамъ, темнымъ людомъ не гнушайся»,—эти слова она сказала необыкновенно выразительно. Мила была и Саша Г., прошлогодній принцъ, изображавшая внучка. «Ишь-ты,—удивлялись ученицы,—какъ ловко говорятъ-то, и не запнутся вѣдь, быдто вправдашныя!»

Большимъ сочувствіемъ пользовались басни. Иныя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, «Демьянова уха», повторялись изъ году въ годъ съ одинаковымъ успѣхомъ, конечно, въ костюмахъ, съ обстановкой, причемъ Ѳока, «схвативъ въ охапку кушакъ и шапку», обыкновенно спрыгивалъ съ эстрады прямо въ публику, потому что другого выхода со сцены не было. Басня «Квартетъ» въ маскахъ произвела настоящій фуроръ. Ольга, конечно, была мартышкой и потѣшала всѣхъ своими чисто обезьяньими ужимками; между прочимъ, какъ мы ни бились съ нею, а свою партію она никакъ не могла заучить правильно, и такъ и продолжала, отбрасывая непонятное слово «прима», говорить

по своему: «я *прямо* сяду противъ вторы». Басня прошла весьма живо, весело, подъ взрывы смѣха и публики, и исполнителей. Шумное одобреніе вызвалъ и соловей, маленькая и дѣйствительно похожая на птичку востроносенькая ученица, которая была заранѣе посажена на верхъ поставленной въ углу сцены лѣстницы. По смыслу басни—«случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть», но прилетѣть было рѣшительно неоткуда, и дѣвочка сидѣла на своемъ посту, сначала, какъ зрительница, принимавшая дѣятельное участіе въ шумномъ одобреніи публики, а потомъ, когда пришла ея очередь, какъ актеръ. Публика, казалось, была очень озадачена и ея участіемъ въ дѣйствіи: вѣроятно, всѣ подумали, что дѣвочка забралась на верхъ лѣстницы просто, чтобы лучше видѣть; это никого-бы не удивило, потому что взбирались на столъ, на скамейки, даже на окна. Но дѣвочка на лѣстницѣ не была просто дѣвочкой, да и самая лѣстница должна была изображать дерево; эту поправку очень быстро внесли зрители, и заключительныя слова басни: «а вы, друзья, какъ ни садитесь, всё въ музыканты не годитесь»—были покрыты шумными аплодисментами. Вообще шума, веселья, смѣху всегда бывало вдоволь на нашихъ праздникахъ, и доставляемое ими удовольствіе съ лихвой вознаграждало насъ за всѣ хлопоты. Веселье начиналось даже задолго до самыхъ праздниковъ, какъ и продолжалось послѣ нихъ въ отраженномъ видѣ: воспоминанія, разсказы, передача впечатлѣній. Мы всегда жалѣли, что, по недостатку у насъ мѣста, не могли позволить, чтобы ученицы приводили своихъ родныхъ. Это, во-1-хъ, доставило-бы удовольствіе большему числу лицъ, а во-2-хъ, сблизило-бы школу съ семьями нашихъ ученицъ, что, конечно, тоже было желательно. Но сдѣлать это было невозможно, и мы дѣлали исключенія только для взрослыхъ ученицъ-матерей, которымъ позволяли приводить своихъ дѣтей. И то комната была наполнена народомъ до того, что надо было прочищать себѣ дорогу, и безъ того маленькія ученицы сидѣли въ первыхъ рядахъ прямо на полу, почти возлѣ самой сцены. Было тѣсно, жарко, душно, «бездымный» бенгальскій огонь все-таки оказывался дымнымъ, но за-то безусловно было весело. Веселы бывали и репетиціи, когда цѣлыя группы дѣвочекъ приходили на квартиру учительницы или для примѣрки костюмовъ, или для разучиванія стиховъ и басенъ. Дѣти чувствовали себя совершенно непринужденно, оглядывали все въ комнатѣ, разсматривали альбомы, картины. Бойкая Ольга непремѣнно заглянетъ и въ другія комнаты, тронетъ клавишу рояля и подтянетъ голосомъ ноту, пересмотритъ альбомъ и рѣшитъ авторитетно, кто «всѣхъ красивѣе». То она уляжется на полу на медвѣжьей шкурѣ, то начнетъ разглядывать себя въ зеркало, то начнетъ «разбирать» слова во французской

книгѣ. Другія дѣвочки толпятся у моего письменнаго стола, дивятся на фотографію Мефистофеля Антокольскаго и не одобряютъ ее, а маленькая Паша М., схвативъ мое перо, выводитъ на бумагѣ какое-то слово, какъ-бы желая провѣрить, можетъ-ли она въ чужой комнатѣ и чужимъ перомъ написать то, что пишетъ въ школѣ; слово удается, и она съ торжествомъ показываетъ мнѣ: «глядите, какъ я вашимъ перомъ написала!» Всегда во время этихъ дѣтскихъ визитовъ наслушаешься бездны разсказовъ, сообщеній, цѣлыя дѣтскія біографіи,—какъ я уже сказала выше, все больше грустныя біографіи, хотя и разсказываемыя съ веселымъ простодушіемъ...

Весной, передъ концомъ ученья, у насъ устраивается прогулка. Большой гурьбой двигаемся мы по зеленому лугу, мимо деревни, мимо какихъ-то рощъ, вдоль полотна жел. дороги. Прогулка безъ всякихъ научныхъ цѣлей,—просто отдыхъ на лонѣ природы. Ребятишки сбираютъ цвѣты, рвутъ душистую черемуху, взрослыя ученицы идутъ съ учительницами. На привалѣ—чай съ лакомствами, причемъ роль хозяекъ исполняютъ старшія ученицы. Потомъ игры, пѣніе, бѣготня, смѣхъ... Всѣмъ весело, всѣ чувствуютъ какое-то особенно ясное, мирное настроеніе, и этотъ послѣдній день передъ лѣтними каникулами какъ-то еще больше сближаетъ всѣхъ. Возвращаемся ужъ подъ вечеръ: въ воздухѣ чувствуется свѣжесть, пыль улеглась, по дорогѣ бѣгутъ дачныя тѣни, надъ травой бѣлѣетъ поднимающаяся роса... Ученицы поютъ. Впереди всѣхъ шагаетъ Ольга и, махая рукой въ тактъ пѣсни, энергично выкрикиваетъ своимъ звонкимъ вѣрнымъ голосомъ неизвѣстныя намъ слова «своей» пѣсни... «Красота твоя мнѣ ндравится»—черезъ промежутки повторяется тотъ-же припѣвъ, и загорѣлое, некрасивое личико дѣвочки дышитъ жизнью, задоромъ...

По дорогѣ толпа наша рѣдѣетъ, потому что въ захолустныхъ улицахъ, черезъ которыя мы проходили, живетъ большинство ученицъ. Въ городъ мы входимъ уже тихо, чинно, безъ пѣсенъ и по-парно. На улицахъ почти темно, но прохожіе все-таки оглядываются на этотъ странный пансіонъ изъ взрослыхъ и маленькихъ. И мы разстаемся до будущей осени. А въ сентябрѣ, ко дню молебна, школа наполняется снова, и среди новыхъ, незнакомыхъ намъ лицъ вновь-поступающихъ, дружески привѣтствуютъ насъ прежнія ученицы. Большинство ихъ вернулось къ намъ опять—и снова завертѣлось колесо школьной жизни.

К—ой.

книгѣ. Другія дѣвочки толпятся у моего письменнаго стола, дивятся на фотографію Мефистофеля Антокольскаго и не одобряютъ ее, а маленькая Паша М., схвативъ мое перо, выводитъ на бумагѣ какое-то слово, какъ-бы желая провѣрить, можетъ-ли она въ чужой комнатѣ и чужимъ перомъ написать то, что пишетъ въ школѣ; слово удается, и она съ торжествомъ показываетъ мнѣ: «глядите, какъ я вашимъ перомъ написала!» Всегда во время этихъ дѣтскихъ визитовъ наслушаешься бездны разсказовъ, сообщеній, цѣлыя дѣтскія біографіи,—какъ я уже сказала выше, все больше грустныя біографіи, хотя и разсказываемыя съ веселымъ простодушіемъ...

Весной, передъ концомъ ученья, у насъ устраивается прогулка. Большой гурьбой двигаемся мы по зеленому лугу, мимо деревни, мимо какихъ-то рощъ, вдоль полотна жел. дороги. Прогулка безъ всякихъ научныхъ цѣлей,—просто отдыхъ на лонѣ природы. Ребятишки сбираютъ цвѣты, рвутъ душистую черемуху, взрослыя ученицы идутъ съ учительницами. На привалѣ—чай съ лакомствами, причемъ роль хозяекъ исполняютъ старшія ученицы. Потомъ игры, пѣніе, бѣготня, смѣхъ... Всѣмъ весело, всѣ чувствуютъ какое-то особенно ясное, мирное настроеніе, и этотъ послѣдній день передъ лѣтними каникулами какъ-то еще больше сближаетъ всѣхъ. Возвращаемся ужъ подъ вечеръ: въ воздухѣ чувствуется свѣжесть, пыль улеглась, по дорогѣ бѣгутъ дачныя тѣни, надъ травой бѣлѣетъ поднимающаяся роса... Ученицы поютъ. Впереди всѣхъ шагаетъ Ольга и, махая рукой въ тактъ пѣсни, энергично выкрикиваетъ своимъ звонкимъ вѣрнымъ голосомъ неизвѣстныя намъ слова «своей» пѣсни... «Красота твоя мнѣ ндравится»—черезъ промежутки повторяется тотъ-же припѣвъ, и загорѣлое, некрасивое личико дѣвочки дышитъ жизнью, задоромъ...

По дорогѣ толпа наша рѣдѣетъ, потому что въ захолустныхъ улицахъ, черезъ которыя мы проходили, живетъ большинство ученицъ. Въ городъ мы входимъ уже тихо, чинно, безъ пѣсенъ и по-парно. На улицахъ почти темно, но прохожіе все-таки оглядываются на этотъ странный пансіонъ изъ взрослыхъ и маленькихъ. И мы разстаемся до будущей осени. А въ сентябрѣ, ко дню молебна, школа наполняется снова, и среди новыхъ, незнакомыхъ намъ лицъ вновь-поступающихъ, дружески привѣтствуютъ насъ прежнія ученицы. Большинство ихъ вернулось къ намъ опять—и снова завертѣлось колесо школьной жизни.

К—ой.
